

Попаданка для дракона

Автор:

Полина Верховцева

Попаданка для дракона

Полина Верховцева

Драконы заигрались. Возомнили себя всемогущими, разбудили древнее проклятье, и весь мир за это жестоко поплатился. Наступили темные времена. Неведомая хворь обрушилась на королевство, забирая женщин. И теперь каждая выжившая – сокровище. Бесценный дар небес, который надлежит немедленно доставить во дворец императора, иначе ей угрожает смертельная опасность. Я попала в этот мир случайно. Ушла в салон, а очнулась в погребке, связанная и с кляпом во рту. Он спас меня. Но можно ли ему доверять? Ведь во мне скрыто то, что может остановить проклятье, а он не так прост, как кажется на первый взгляд.

Полина Верховцева

Попаданка для дракона

Глава 1

Тем вечером на улице шел снег.

Крохотные хрустальные снежинки неспешно кружили в воздухе, таинственно мерцали в свете желтого фонаря и аккуратно опускались на высокие сугробы, обрамлявшие с двух сторон узкую расчищенную дорожку.

Я бежала вперед, поминутно поглядывая на часы и с досадой понимая, что опаздываю. На носу праздники, запись в салоне плотная – если не появлюсь вовремя, то вместо меня обязательно протиснется какая-нибудь дамочка. Поэтому ускорила, проскочила последние несколько домов, взлетела на крыльцо и нажала на розовую кнопку звонка.

С вывески на меня приветливо смотрела красивая девушка с пышными ресницами и аккуратными ровными бровями, а рекламный слоган уверял, что из салона я непременно выйду самой прекрасной и неотразимой. Что ж, было бы неплохо. Перед Новым годом столько работы, что порой и причесаться лишний раз некогда.

Позади тихо скрипнул снег, потом еще раз, словно приближались чьи-то тихие шаги, но когда я обернулась, рядом никого не было. Вокруг тихо и безлюдно. Только из магазина напротив вышел мужчина с двумя большими пакетами, поежился и побрел к машине. Все остальные в такую погоду предпочитали отсиживаться с кружечкой ароматного чая в руках перед телевизором.

Взгляд почему-то зацепился за серебристую ель, раскинувшую мохнатые лапы посреди заснеженного газона. Обычная ель, обычные сугробы, только тень возле нее показалась мне гуще, чем под соседними деревьями.

Позади меня распахнулась дверь:

– Добро пожаловать!

Тут же потеряв интерес и елке, и теням, я поздоровалась и устремила внутрь царства красоты. Там вкусно пахло дорогими средствами для волос и кофе. В креслах напротив высоких зеркал сидели расслабленные клиентки, над которыми колдовали мастерицы. Уютно, светло, радостно.

Приветливая девушка-администратор дождалась, пока разденусь, и проводила до кабинета, где меня уже поджидали.

– Привет! Опаздываешь. – Настя встретила дружеским ворчанием. – Ресницы сами себя не нарастят...

– Извини, Настюш. Непогода, пробки, – я ловко заскочила на кушетку, улеглась, сложила руки на животе и приготовилась к ритуалу красоты.

Все началось как обычно. Я закрыла глаза, расслабилась, а Настя колдовала надо мной, развлекая разговорами. Играла тихая спокойная музыка, на улице кружил снег, и я сама не заметила, как задремала.

Спустя некоторое время сквозь сон донесся скрип двери, Настя прекратила свою работу и убрала от меня руки. Я вздохнула, досадуя на то, что нас прервали, и улеглась поудобнее. Наверное, это администратор что-то забыла и хочет уточнить у Анастасии, это ненадолго.

Однако время шло, а так ничего и не прозвучало.

– Насть, все в порядке? – спросила я, тревожно вслушиваясь. В ответ ни звука, только холодно стало, будто кто-то настезь распахнул форточку. – Настя?

– Я за нее, – надо мной раздался скрипучий мужской голос.

От удивления я дернулась и распахнула глаза, за что тут же поплатилась. Защипало, закололо так сильно, что градом полились слезы. Тогда я попыталась вскочить, но не смогла даже пошевелиться – поперек тела натянулись плотные ленты, удерживавшие меня на месте.

Я словно оказалась на операционном столе: обездвиженная, беспомощная и перепуганная. И сколько бы ни пыталась кричать, с губ не слетало ни звука.

Моей шеи коснулись холодные шершавые пальцы. Они прошлись вниз до яремной впадины, задержались там лишь на долю секунды, а потом метнулись вверх, сдавили виски... И в тот же миг подступила мгла. Она пахла влажным мхом, лесом, летним дождем, обволакивала фантомными щупальцами, проникала внутрь, настойчиво тянула за собой.

Я не понимала, что происходит, но изо всех сил пыталась бороться.

Нельзя поддаваться, нельзя идти за ней, нельзя...

Надо открыть глаза, позвать на помощь...

Тело дернулось, как во сне, когда внезапно спотыкаешься и падаешь. Только в этот раз я не проснулась, а продолжила падение. Вниз, с огромной высоты, все быстрее и быстрее, пока с головой не ушла в темноту.

Первое, что бросилось в глаза, когда я очнулась – пыльные банки с соленьями. Огурцы, помидоры, грибы, что-то похожее на человеческие пальцы... А нет, показалось, тоже огурцы.

Я осторожно пошевелилась и попробовала сесть, но не тут-то было – руки связаны за спиной, ноги тоже перетянуты грубыми веревками. В висках отчаянно шумело, горло царапала нестерпимая жажда, да еще рот замотан грубой, вонявшей кислым молоком тряпкой. Убила бы за глоток воды.

После долгих и упорных стараний мне все-таки удалось немного приподняться. Сквозь крохотное мутное окошко под самым потолком едва пробивался солнечный свет, позволяя хоть немного осмотреться по сторонам.

Зауток, в котором я оказалась, больше всего походил на погреб старого дома где-нибудь в глубоком захолустье. Низкие глинистые стены, вместо пола – старые доски, брошенные прямо на землю, грубо тёсанные стеллажи с плотными рядами заготовок, ящики с картошкой и вязанки лука, куски вяленого мяса, развешенные на ржавых гвоздях.

Страшно. Надо как-то выбираться отсюда.

Извиваясь, словно змея, я пыталась высвободить руки из пут, ну или хотя бы вывести их из-за спины вперед, но веревки были затянуты слишком крепко, и мне никак не удавалось их ослабить. Я билась изо всех сил, стараясь не поддаваться панике и отчаянию, но в конце концов осознала тщетность попыток и сдалась.

– Спасите! – беспомощно промычала. В ответ – тишина. – Помогите! – снова промычала и осеклась, уловив тихие звуки наверху, над головой.

Едва я успела притвориться спящей, как раздался скрип, и в потолке отрылось круглое отверстие. Сквозь неплотно смеженные веки я наблюдала за тем, как в проеме появилась нечесаная мужская голова.

Ох, страшный какой!

– Очнулась?

Я чувствовала, как он всматривается в меня, но продолжала изо всех сил изображать бездыханную жертву. Мужик досадливо крякнул и стал спускаться. Зажмурившись и едва дыша, я слушала, как он подошел ближе, присел рядом, осторожно взял прядь моих волос и начал...нюхать. С таким маниакальным удовольствием, что я не выдержала и отпрянула от него.

– Очнулась, – довольно протянул он и потрепал по голове, как послушную собаку. Я снова замычала, задергалась, пытаюсь увернуться от неприятных прикосновений. – Ну-ну, не сердись, красавица. – Мой тюремщик щербато улыбнулся, продемонстрировав отсутствие переднего зуба, и по-дружески начал рассказывать: – Я тебя, между прочим, из леса спас. Отправился утром по грибы, на опушку вышел, глядь – у ручья дева лежит. Руки раскинула, не двигается. Ясно дело: или выжлы добрались, или хворь в лесу словила. Нож приготовил, подошел ближе, и вдруг думаю: дай-ка проверю, голову-то всегда успею отпилить...

Я глухо завизжала в кляп, а он не обратил внимания и увлеченно продолжал свой рассказ:

– Глаза-то тебе приоткрыл, а они голубые! Никакой хмари болотистой. Здоровая, представляешь?! Это ж удача какая! В лесу здоровую девицу найти! Ну, я тебя на руки схватил и бегом в деревню, чтобы, пока окончательно не рассвело, тайком в дом пронести. Ты не сердчай, что я тебя в погреб стащил. Сначала на кровать свою уложил, все ждал, когда в себя придешь, а тут гости незваные нагрянули, пришлось прятать. Ты посиди здесь еще немного. Сейчас я их спроважу, и будем жениться...

Что он сказал? Жениться?

– Ты не смотри, что я неказистый такой. Зато работы не боюсь. Жить будешь, как королева! Дом у меня крепкий, хозяйство хорошее. Огород большой, куры есть, два гуся. Коровка! – его глаза блестели так маслено и жадно, что мне стало еще страшнее.

Я не хочу жениться. И коровку не хочу. Мне домой надо.

– Только не шуми, хорошо? – он заботливо поправил кляп. – Сама понимаешь, если мужики про тебя узнают – в деревне бойня начнется.

Какие мужики? Какая бойня? Боже, что происходит?!

– Я теперь тебя никому не отдам, – грозно произнес этот безумец, скаля беззубый рот. – Моя!..

Мне всегда хотелось услышать от мужчины такие решительные слова, только в моих мечтах это был сказочный красавец, а не чокнутый маньяк-похититель.

– Все, т-с-с-с... – приложил кривой палец к губам и поднялся на ноги, – скоро вернусь. Жди.

Сказал и ушел, а я так и осталась лежать на полу, провожая его ошалевшим взглядом.

Я провела в погребе еще час, стараясь использовать его с максимальной пользой – улеглась поудобнее, заставила себя расслабиться, успокоиться, провела небольшую медитацию. Паника не помощник, как и страх. Жива? Жива. Руки-ноги целы? Целы. Даже никто не надругался, пользуясь моей беспомощностью. Так что еще повоюем.

Вскоре расплывчатые голоса наверху стихли – видать, моему «суженому» уж очень не терпелось жениться, раз он так быстро всех выпроводил. Хлопок тяжелой двери, быстрый топот, и снова люк над головой открылся, впуская в мою тюрьму уже знакомого взлохмаченного мужика.

– Все ушли! – он сообщил это таким тоном, будто ждал, что я обрадуюсь и тут же воспылаю к нему неземной страстью. – Я сейчас кляп тебе сниму. Кричать не будешь?

Я помедлила, потом чуть заметно кивнула.

Он долго возился с узлом, но так и не смог его развязать и в конце концов просто дернул, с треском разодрав ткань.

– Пить, – простонала я, едва вонючая тряпка исчезла от моего лица, – пожалуйста.

– Идем наверх, – мужик проворно развязал меня и помог подняться. – Я все приготовил. Сейчас и напою, и накормлю, невестушка.

Я покачала головой и тяжело опустилась на ящик с картошкой.

– Не могу. Ноги затекли, – прохрипела и тут же закашлялась.

– Ох, беда-то какая, – спохватился он и тут же потянул ко мне свои лапы, – давай разотру!

– Не надо! – воскликнула я, заметив, как заблестели его масляные глазенки.

Мужик мрачно нахмурился, обиженно взглянув из-под кустистых бровей. Нет, с ним так не надо – вдруг разозлится. Поэтому добавила уже мягче и спокойнее:

– Тебя как зовут?

– Лойд.

– Очень приятно, а я Мария. Можно просто Маша, – я попыталась улыбнуться, но губы были словно деревянные, потому получилась болезненная гримаса. – Лойд, дай мне, пожалуйста, воды и пять минут прийти в себя. Тогда я сама поднимусь наверх.

Он немного потоптался рядом, будто раздумывая, стоит ли меня оставлять одну, но все-таки согласился:

– Сиди. Сейчас принесу.

Пока беззубый шуршал наверху, я растерла затекшие запястья и щиколотки, поприседала, а заодно с удивлением рассмотрела свой наряд: длинное светло-коричневое платье в пол простого кроя, со шнуровкой на груди, рукавами до локтя и белым хлопковым подъюбником. Тесное сверху и неудобное громоздкое снизу.

А самое страшное, что у меня отродясь такого не было. Кому потребовалось меня переодевать? Беззубому маньяку-жениху?

Я запретила себе об этом думать.

Спустя пару минут он снова спустился по кривой лестнице, сжимая в одной руке жестяную кружку исполинских размеров. Что ж, чем больше, тем лучше. Стараясь не смотреть на своего «спасителя», я приняла подношение и начала жадно пить. Вода была свежая и настолько холодная, что сводило зубы, но я выпила все до последней капли, чувствуя, как возвращаются силы.

Тем временем Лойд отошел к дальним полкам и принялся там суетливо шуровать в поисках деликатесов, не забывая при этом повторять, что с ним меня ждет сладкая, сытая и поистине царская жизнь.

Не особо прислушиваясь к сбивчивому бормотанию, я мрачно посмотрела на его загривок, потом кружку в своей руке, снова на загривок и снова на кружку. Сомневаться было некогда, поэтому тихо шагнула к нему, ударила со всей силы, на которую была способна, и проворно отскочила в сторону.

Лойд охнул, пошатнулся и тяжело осел на пол.

Было чертовски страшно. Я стояла над ним, зажимая себе рукой рот, чтобы не закричать, и держала наготове кружку на случай, если он оклемается. Но беззубый жених был без чувств. Я даже испугалась, что могла случайно его прибить, но пульс прекрасно прощупывался, дыхание было размеренным. Он

просто был в глубокой отключке. Поделом! Не знаю, он меня похитил из салона или нет, но с маньяками и навязчивыми женихами у меня разговор короткий.

Не теряя времени, я схватила с пола веревки, которые раньше связывали меня, и стянула ему руки. Потом подумала, и обмотала курчавую голову тряпкой на случай, если вздумает орать.

Еще раз убедившись, что с маньяком все в порядке, я подобрала неудобные юбки и полезла наверх. Лестница подо мной угрожающе покачивалась, ветхие ступени трещали, норовя обвалиться прямо под ногами, и каждую секунду я ждала, что тюремщик очнется и стащит меня вниз.

Выскочив из погреба, я первым делом прикрыла люк и только после этого осмотрелась.

Лаз вывел меня в темную кухню с низким потолком и бревенчатыми стенами. Слева облупленная печь с закопченным зевом, за ней покосившийся рукомойник и пара ящичков для утвари. У окна деревянный неказистый стол, на котором стоял внушительный бутыль мутной жидкости, тарелка с солеными огурцами, варенье в кокетливой вазочке и несколько кусков хлеба – жених хорошо подготовился к свадьбе.

Стараясь держаться в тени, я подошла к окну и аккуратно выглянула наружу сквозь реденькую занавеску.

Передо мной раскинулась обычная деревенская улица. По обе стороны от изрезанной глубокими колеями разъезженной дороги стояли неказистые дома: серые, коричневые, зеленые. Над некоторыми крышами вился дымок.

Перед домом напротив на лавке сидел старик и задумчиво крошил ломоть хлеба. У его ног копошились пестрые куры, неподалеку горделиво прохаживался петух, а на завалинке грелся рыжий кот.

Казалось бы, ничего странного. Если бы не тот факт, что в салон я бежала в декабре, перед самым Новым годом, а сейчас на дворе стояло лето.

Глава 2

Воздух был насквозь пропитан запахом прелых яблок, кислого молока и жареного лука. Однако, несмотря на духоту, я не спешила бежать из дома и вопить во весь голос «спасите-помогите!». Меня останавливала фраза Лойда, что если про меня узнают мужики, то начнется бойня. Может, они все здесь немного с приветом? Маньяки-женихи? Убегу от одного и попаду прямиком в лапы к другому?

Бежать сломя голову смысла нет, но и в доме засиживаться опасно. Беззубый может в любой момент прийти в себя и обрушить на меня свой гнев, и вряд ли мне удастся дважды обвести его вокруг пальца. Поэтому я стащила с гвоздя охотничью кожаную сумку на длинном ремне, положила несколько кусков хлеба, завернутых в тряпицу, флягу с водой, пару яблок. Туда же добавила складной нож, который нашла на столе, веревку и огниво.

Напоследок вдоволь напилась и, выскользнув из дома, тут же юркнула за куст сирени, раскинувший ветви возле крыльца. Из укрытия мне была видна часть улицы.

Народу мало. С дедом у дома напротив проблем не должно быть – он спал, клюя носом и не замечая, как куры выдирают у него из рук остаток хлеба, а вот трое мужиков впереди – это уже серьезно.

Одежда на них была странная: старомодные суконные брюки, широкие рубахи с распахнутым воротом, безрукавки. Ну вылитые крестьяне. Они громко разговаривали, оживленно размахивая руками, спорили, не обращая внимания на то, что творилось вокруг, но если подойдут чуть ближе, то могут меня заметить. Поэтому я попятилась, отступила за соседний куст, потом еще дальше и так мелкими перебежками ушла вглубь огорода, со всех сторон обнесенного плотным забором. Он отгораживал от соседей, а сзади – от подступавшего вплотную леса.

Вот туда мне и надо.

Пока я искала удобное место, чтобы перелезть, меня с истошным писком преследовала стая комаров, а крапива, местами превышавшая мой рост, так и

норовила стегнуть по лицу. Я прикрывала голову, стараясь не шуметь и громко не охать. Наконец мне удалось отодвинуть в сторону одну из ветхих досок и, протиснувшись сквозь узкий лаз, выбраться на волю.

Юбки пытались обмотаться вокруг ног и задержать меня, поэтому я их совсем неэлегантно подняла, заткала и закрепила на поясе. Далеко уходить в лес я не планировала. Во-первых, лесник из меня так себе – заплутаю в трех соснах, а во-вторых, нет никакого смысла забираться в чащу. Обойду деревню и пойду вдоль дороги. Рано или поздно куда-нибудь да выйду. Мне главное до телефона добраться, а там уж помощь придет.

О том, почему сейчас на дворе лето и куда делась зима, я решила пока не думать. Разумных ответов не было, а от неразумных толку ноль. Вот выберусь из этой богом забытой глуши, тогда во всем и разберусь.

Обойти деревню оказалось не таким уж простым делом. Она состояла из одной единственной извилистой улицы, а дома растянулись вдоль нее лентой на несколько километров. Они то жались, чуть ли не залезая друг к другу на крышу, то расползались, утопая среди зелени.

Местами лес подступал вплотную к заборам, а иногда отходил, огибая ухоженные, а местами уже пустые картофельные поля. Кое-где был такой непроходимый бурелом, что приходилось углубляться в лес, чтобы его обойти, а где-то одиноко возвышались гордые березы, и я чуть ли не ползком перебиралась от одной к другой.

Вдобавок я пару раз едва не попала на глаза грибникам, а однажды одинокий рыбак, возвращавшийся с уловом по едва приметной тропочке, прошел всего в паре метров от меня – в последний момент я успела упасть под малиновый куст.

Когда я, всклокоченная и чумазая, наконец, оставила деревню далеко позади и выбралась на дорогу, солнце уже клонилось к закату. Расслабляться было рано, поэтому я на ходу сжевала яблоко, сделала пару глотков из фляги и быстрым шагом пошла вперед, стараясь держаться у самой кромки, чтобы в случае чего успеть скрыться под сенью деревьев.

К счастью, навстречу мне так никто и не попался. Но если сначала я радовалась, то спустя пару часов меня это начало напрягать, потому что до ближайшего

поселения могло быть как пять минут ходьбы, так и день, и тогда мне грозила весьма неприятная перспектива провести ночь в лесу в гордом одиночестве. Конечно, природа лучше, чем жених-маньяк, но все равно страшно. Судя по той тишине, что царила вокруг, меня завезли в такую глушь, что здесь запросто можно встретить и волка, и медведя, и кабана, а у меня с собой лишь короткий складной нож.

Я припустила быстрее, пытаюсь обогнать подступавшие сумерки и засветло выбраться к людям, но чем дальше шла, тем яснее понимала тщетность потуг. Надо было что-то решать с ночлегом. Оставаться у дороги опасно – мало ли кто ночью может по ней перемещаться. Уходить в лес – то же не лучшая идея. Волки очень обрадуются, если найдут мое заплутавшее тельце среди елок, а мне страсть как не хочется становиться чьи-то ужином.

После недолгих поисков мне удалось найти крошечную прогалину, укрытую от дороги молодым орешником. С одной стороны ее полукругом опоясывала густая поросль, а с другой скромно пристроился разбитый старостью вяз, на который в случае опасности я смогла бы забраться.

Немного поразмыслив, я пришла к выводу, что не стоит ждать, когда совсем стемнеет, и лучше сделать это сразу, тогда меньше шансов свалиться и сломать себе шею, тем более широкая развилка в паре метров над землей казалась вполне удобной и пригодной для отдыха, а я чертовски устала.

Пока ела, мрачно смотрела на дерево, прикидывая, как лучше к нему подступиться. Не то чтобы я была матерым древолазом, но в детстве, как и многие, с удовольствием карабкалась по березам, поэтому решительно шагнула вперед.

Самая нижняя ветка показалась подходящей. Я подпрыгнула, вцепилась в нее обеими руками, подтянулась, потом перехватилась чуть повыше, а ногами обхватила ствол. Так, еще немного, еще чуть-чуть... Непривыкшие к грубым нагрузкам ладони моментально засадило, юбки мешались, но я не сдавалась. Карабкалась, пыхла от усилия, сопела... да так увлеченно, что пропустила момент, когда на дороге появились всадники. Лишь когда они практически поравнялись с тем местом, которое я облюбовала на ночь, до меня дошло, что

тот размеренный звук, который я слышала, вовсе не грохот собственного сердца, а перестук копыт.

От неожиданности замерла, повиснув перезрелой грушей, и сквозь редкие просветы в орешнике уставилась на внезапных гостей, пытаюсь понять, чем мне это грозит.

Их было пятеро. Одеты они были не как крестьяне в деревне, а, скорее, как охотники: темная одежда, высокие сапоги, у двоих на головы натянуты капюшоны, а один вообще щеголял повязкой на глазу. Форменные разбойники! У кого-то к седлу были привязаны туго набитые мешки, у кого-то тушки зайцев и бурдюки.

Это все, что мне удалось рассмотреть на таком расстоянии, а подходить ближе не было никакого желания. Почему-то мне казалось, что не стоит приставать с вопросами к пятерым мужчинам подозрительного вида, если ты хрупкая девушка, да еще и оказавшаяся одна в таком захолустье. Вряд ли они довезут до ближайшей станции метро или одолжат телефон, чтобы позвонить родным.

Поэтому я сделала то, что и любой другой здравомыслящий человек на моем месте – затихла, стремясь стать невидимой, и даже перестала дышать, чтобы, не дай бог, не выдать своего присутствия.

Но у судьбы, как всегда, свои планы.

Путники уже практически проехали мимо, когда сук подо мной обломился, и я упала. Приземлилась неудачно – немного подвернула ногу и, неуклюже взмахнув руками, повалилась ничком, испачкав и одежду, и волосы, и лицо.

Я еще не успела выплюнуть попавшую в рот землю и подняться, как рядом оказались двое из всадников.

– Выжла! – брезгливо выплюнул один и достал из пристегнутых к поясу ножен самый настоящий меч.

Я вскочила на ноги, зачем-то схватив с земли палку, испуганно прижалась спиной к дереву и уставилась на них.

– Дикая совсем, – ухмыльнулся второй, и я услышала, как в потемках тихо лязгнул складной нож.

От страха у меня пропал голос, ноги стали ватными, и все мысли словно ветром сдуло.

– Что у вас тут? – сквозь кусты ко мне уже продирались остальные.

– Да вот смотри. Нежить поганая подкрадывалась.

– Одна? Эти твари часто стаями бродят.

Мужики прислушались, напряженно вглядываясь в сумрак леса, потом один из них, самый низкорослый и коренастый, произнес:

– Вроде как одна.

– Что будем делать? Нельзя заразу оставлять.

– Сожжем?

– Ага, чтобы нас по огню выследили? Давайте разрубим и закопаем поглубже, чтобы зверье не отравилось.

В смысле разрубим?! Как разрубим?! Это они про меня, что ли?

– Ааа... ээээ, – из груди вырвался протестующий стон, и разбойники тут же подобрались, выставив перед собой оружие.

– Злится, тварина, нападать готовится.

Я готовилась или обделаться от страха, или впасть в глубокий дамский обморок, и по-прежнему не могла выдавить из себя ни слова.

– Так, все. Давайте, по-быстрому ее разделаем и дальше поедем, – деловым тоном предложил тощий как жердь мерзавец, – Мы еще слишком близко к

Вроину, и у меня нет ни малейшего желания попасться в лапы к стражникам из-за какой-то выжлы!

- Ты прав, - сказал тот, у которого была повязка на глазу, и хладнокровно занес меч для удара.

От ужаса меня разбил паралич, и вместо того, чтобы заорать, сопротивляться или хотя бы просто спастись бегством от этих ненормальных, я просто стояла на месте, не в силах пошевелиться, и переводила испуганный взгляд с одного разбойника на другого.

- Мужики, у нее глаза голубые! - вдруг выдал один из них.

- Ты совсем мозги растерял?

- Я тебе точно говорю! Голубые!

Не успела я опомниться, как одноглазый подскочил ко мне. Острием меча уперся в живот, свободной рукой обхватил шею и приложил меня спиной о ствол дерева так, что в голове зашумело, и перед глазами заплясали разноцветные звездочки.

- Брок, если поцарапает или укусит, - предостерег его ближайший поделник, - мы с тобой возиться и выхаживать не будем. Бросим прямо тут...

- Заткнись, - рявкнул громила и сильнее сжал мою шею.

Я захрипела, вцепилась руками в его запястье, пытаюсь оттолкнуть от себя, а он, будто не замечая сопротивления, продолжал всматриваться в мое лицо.

- Парни, а девка-то здоровая! - изумленно присвистнул он.

Конечно здоровая, только никак не пойму, какое им всем дело до моего здоровья.

Секундное затишье, а потом они хором загалдели:

– Не может быть!

– Я же говорил!

– Давай посмотрю!

– Посветите кто-нибудь!

Зажегся крохотный огонек. Главарь продолжал держать меня за шею, вжимая спиной в узловатый ствол, а остальные склонились ко мне. Я переводила взгляд с одного жуткого лица на другое и видела на каждом из них немое изумление.

– От... отпустите меня, – давась отчаянием, прошептала я, – пожалуйста.

Руку он разжал и даже отступил на шаг, по-прежнему не сводя с меня удивленного взгляда. Остальные тоже притихли, а я стояла под их взглядами, словно голая, растирала измученную шею и чувствовала, как изнутри поднимается мутная волна.

– Ну и чья теперь баба? – внезапно спросил длинный. – Нашли мы ее вместе. Как делить будем?

Муть усиливалась, в висках стучало.

– Баба общая, – наконец, ответил одноглазый, который, по-видимому, был у них за главного, – делить будем поровну.

На этом мое сознание отключилось.

Пришла я в себя ночью. Просто вынырнула на поверхность из той спасительной мглы, которая приютила меня на время, прислушалась, лелея надежду, что все произошедшее окажется просто сном, и я сейчас услышу привычный шум дороги под окном. Но, увы, рядом раздавались тихие мужские голоса, мерно потрескивало пламя костра, стрекотал одинокий ночной кузнечик.

Не сон.

Я приоткрыла один глаз и покосилась по сторонам. Все та же прогалинка, что и раньше, только в центре весело плясал небольшой костерок, а по кругу сидели разбойники и вполголоса переговаривались.

Устроили они меня с комфортом: снизу подложили что-то мягкое, сверху заботливо укрыли шерстяным одеялом. Уютно. Особенно если не обращать внимания на заячьи тушки, что лежали рядом и источали весьма специфический аромат.

Пока я прикидывала, как быть дальше, разговор зашел про меня.

- Что делать-то будем?

- Увозить ее надо. К побережью. Поговаривают, там заразы меньше.

- Просто слухи. Везде одинаково, - отмахнулся коренастый, - нам нужно двигаться к западным горам. Там за перевалом скрытая тропа начинается. По ней можно выйти в дому лесничего. Я однажды полгода там отсиживался и за это время ни одного живого человека рядом не встретил. Переждем зиму, а дальше видно будет.

Ммм, дом лесника, зима, пять мужиков и я. Отличный сюжет для взрослого фильма. Я как представила, так и подавилась от отвращения.

- Очнулась! - ко мне тут же подскочил один. - Воды хочешь?

- Может, поесть? У меня мясо вяленое есть...

- Хлеб...

- Молоко...

Они со всех сторон начали мне предлагать всякое разное и улыбались так старательно, будто надеялись понравиться. Я же смотрела на их обветренные бандитские лица, освещенные неровными отблесками костра, и мечтала снова

провалиться в забытье.

– Отстаньте вы от нее, – вмешался главный, – разошлись! Живо! Запугали девку...

Девка, то есть я, была уже не просто запугана, а в состоянии глубокого шока. Столько всего свалилось на меня одну, что уже перебор.

– Ты не бойся, красавца. Мы тебя не обидим. С нами как за каменной стеной будешь. И накормим, и напоим, и согреем.

Где-то я уже сегодня это слышала. Беззубый жених тоже сытую жизнь обещал, коровкой соблазнял и при этом держал связанной в погребе.

Странные они тут все какие-то. Хватают без спроса, жадно смотрят и уверяют, что с ними будет хорошо и здорово. Может, я отстала от жизни, и это просто новый способ знакомства?

– Мы тут подумали, – продолжал главный, задумчиво ковыряя палкой землю, – что неправильно тебя насильно между всеми делить. Толку от этого не будет. Пока вместе едем, присмотришься и сама выберешь, с кем останешься...

А можно ни с кем? Можно я сама по себе?

– Ребята мы неплохие, хоть и профессию опасную выбрали. Ничто человеческое нам не чуждо. Хочется и счастья человеческого, и женской ласки. Сама понимаешь...

Я не понимала, но перечить боялась. Всех пятерых мне кружкой точно не вырубить, так что надо как-то подстраиваться, искать другие варианты.

Я аккуратно села, поправила подол платья и произнесла:

– От воды не откажусь.

Мне тут же всунули в руки жестяную флягу. Я сделала несколько глотков и закашлялась. Вода была теплой и с неприятным металлическим привкусом:

- Спасибо, - протянула флягу обратно, вытирая губы рукой.

- Рассказывай, как в лесу очутилась. Откуда идешь, куда путь держишь?

Я начала лихорадочно соображать, что можно говорить, а что нет.

- Из деревни иду. Она там, - махнула рукой в ту сторону, с которой пришла, - у дороги.

- Семиверстка, что ли? - спросил тощий.

- Да. Она самая.

- И как они умудрились тебя оставить? В погребе, что ли, прятали?

- Прятали, - кивнула я. И главное ведь - не соврала.

- Вот дают. Совсем страх потеряли, - с некоторой долей восхищения протянул он, - а если бы тебя в один прекрасный день хворь скрутила?

- Ну не скрутила же, - я смиренно опустила взгляд.

Долго я их разговорами развлекать не смогу. Надо что-то делать. Только что?

- Ну-ка заткнулись! - внезапно цыкнул главарь. - Слышите? Едет кто-то!

Все, в том числе и я, прислушались. Откуда-то издалека действительно доносился скрип колес и тихое фыркание лошади.

Разбойники переглянулись.

- Тушим костер, а то заметят, - вскочил на ноги один из них и принялся затапывать огонь.

- Не мечись. Надо глянуть, кто там, и забрать телегу.

– Брок, зачем она нам?

– Затем, что с ней, – он кивнул на меня, – мы верхом далеко не уедем. Первый же патруль наш. А в телегу положим, кляп в рот засунем, сверху соломкой присыплем и все. Можно будет и днем спокойно ехать.

Они начали ожесточенно перешёптываться, спорить, а мне от раскрывающихся перспектив снова поплохело, и если бы не вонь отдохлых зайцев, лежащих рядом, я бы отключилась.

Огонь все-таки погасили. Четверо бесшумно исчезли в кустах, а один остался со мной и ободряюще потрепал меня по плечу:

– Не переживай, мы тебя не отдадим.

Спасибо, добрый человек, обнадежил.

Телега подъезжала все ближе. Сквозь листву уже был виден тусклый свет фонаря, мерно раскачивавшегося на крюке, и темный силуэт мужчины на облучке. Тяжелый чубарый жеребец неспешно брел вперед, так низко опустив голову, что длинная грива почти касалась земли.

– Один, – прошептал мой охранник, – сейчас мужики его быстро скрутят. Опомниться не успеет.

– Угу, – я кивнула, прикидывая шансы на побег.

Мы ведь тоже один на один остались, если и бежать, то только сейчас.

Глава 3

Тем временем повозка проехала еще немного вперед и остановилась. Что-то встревожило чубарого. Он поднял уши, напряженно вглядываясь во тьму окружающего леса и протяжно заржал.

Мужчина на козлах тоже выпрямился, прислушался, потом легко спрыгнул на землю и подошел к коню.

– Ну тихо, тихо... – по-дружески почесал белую звездочку на лбу, похлопал по крутой шее. – Никого здесь нет. Сейчас огня добавлю, сам увидишь...

Он что-то сделала с фонарем, и тот засветил гораздо ярче, разгоняя угрюмые тени и выхватывая из темноты не только крохотный пяточок дороги, но и близлежащие деревья.

Я подалась вперед, пытаюсь получше рассмотреть мужчину. Высокий, темноволосый, широкоплечий и подтянутый. На нем были темно-серые брюки, заправленные в высокие сапоги, китель такого же цвета с желтыми нашивками на груди и широким кожаным поясом.

– Вот видишь? Все хорошо...

– Я б на твоём месте не рассчитывал на это, солдатик, – из тени деревьев выступил Брок, а следом за ним и остальные, беря в кольцо одинокого путника. – Куда путь держишь, служивый?

– Да вот с побывки возвращаюсь. На службу в столицу, – спокойно ответил тот, поглаживая чубарого по крутому боку.

– Конь у тебя хороший, выносливый, – с одобрением произнес Брок, – и телега неплохая.

– Спасибо. Не жалуюсь.

Почему он так спокоен? Неужели не понимает, чем все это для него закончится? Мне отчаянно хотелось подать знак, предупредить его, закричать, чтобы бежал, пока не поздно, но рядом стоял потный громила, который вряд ли бы позволил мне это сделать.

Я украдкой посмотрела на своего стражника, пытаюсь решить, как быть дальше.

Тут где-то сук валялся, тот самый, который я сломала. Я аккуратно отступила назад, в потемках пытаюсь нащупать его ногой.

Ага. Вот он.

- Тихо ты! - зашипел разбойник, не оборачиваясь. Он с таким жадным интересом наблюдал за остальными, что ему было не до меня.

Тем временем на дороге продолжалась неспешная беседа:

- Представляешь, мы как раз думали, где же нам телегу раздобыть, а тут ты навстречу. Вот это совпадение.

- Сожалею, господа, но она не продается. Самому нужна.

Мужики засмеялись:

- Не продается? Во дает! Мы похожи на тех, кто будет покупать?

- Да кто ж вас знает.

Нервы у солдатика были стальные. Другой на его месте уже бы все отдал, лишь бы не трогали, а этот стоит как ни в чем не бывало, да еще и разговаривает с ними.

У меня самой внутри все просто клочкотало, адреналин зашкаливал и хлестал через край. Стараясь больше не привлекать внимания, я медленно присела, нащупала шершавую палку, прижала ее к себе и так же медленно поднялась.

Дыхание срывалось, руки дрожали, казалось, что вот-вот свалюсь без чувств. Нельзя, Машенька. Никак нельзя. Не до нежностей сейчас. Вот выберешься из передраги, там и вались сколько хочешь. А сейчас надо собраться.

Я сжала ветку двумя руками, встала поудобнее и кровожадно уставилась на загривок разбойника, прикидывая, как лучше ударить.

Так-то я девушка тихая, мирная, вежливая. Но не сегодня.

Тихо выдохнула, замахнулась и как жахнула! Аж палка пополам переломилась.

- Эх ты ж, ё... - охнул мужик и, схватившись за голову, развернулся ко мне.

Падать он и не собирался. Башка у него оказалась покрепче, чем у горемычного Лойда из деревни.

Я испуганно пискнула и отступила, держа перед собой обломок ветки.

- Я тебе сейчас... - сквозь зубы процедил громила и шагнул ко мне явно не с благими намереньями. Я попыталась снова его ударить, но в этот раз он был начеку и легко перехватил мое убогое оружие. - Раз не хочешь по-хорошему, будем как обычно, - грязные лапы потянулись к горлу, но в потемках промахнулись и сомкнулись на плечах.

Силы были неравны, но я продолжала бороться. Извернулась и укусила его за руку с такой яростью, что на языке появился соленый привкус чужой крови.

Разбойник охнул, отнимая руку, а я подалась вперед и коленом засадила ему в пах, а потом бросилась бежать.

Пять шагов - и он меня настиг, ухватился за платье, пытаюсь остановить. Меня потрянуло, раздался треск рвущейся ткани и, лишившись куска подола, я понеслась дальше. Ломилась сквозь кусты, не разбирая дороги. Да и не видно ни черта в потемках. А где-то позади меня, охая и спотыкаясь, маячил разбойник.

- Попалась, коза! - прорычал он, внезапно оказавшись совсем близко.

Я рванула со всех сил в чащу, надеясь укрыться в темноте, но он схватил меня за волосы и выволок на дорогу.

Оказалось, убежала я не так и далеко. Всего в паре десятков метров стояла несчастная повозка, остальные разбойники и одинокий солдат.

- Майк, мать твою! Трудно было усмотреть?

– Чуть не загрызла меня, гадина! – головорез тряс раненой лапой и морщился. – Руку мне прокусила, бешеная!

– Зачем вам выгла? – без особого интереса поинтересовался солдат.

Разбойники быстро переглянулись между собой:

– Не твое дело, солдатик.

– Не знаю, что у вас тут за игрищи, но ее сжечь надо. Здесь деревня недалеко. Мало ли доберётся.

– Сожжем. Не переживай, – хмыкнул коренастый.

Тут я не выдержала и завизжала:

– Помогите!

Расслабленный взгляд незнакомца тут же изменился – стал цепким, хищным, жестким. Впился в меня, будто когтями.

– Помогите, – простонала я и, жалобно всхлипнув, повисла в руках бандита, – пожалуйста...

– Здоровая, – он не спрашивал. Утверждал.

– Здоровей не бывает, – зло выплюнул тот, кто в чьих руках я трепыхалась, – огрела меня дубиной по башке, едва не откинулся, потом чуть руку не отгрызла. – Встряхнул меня так, что зубы клацнули. – А резвая какая, еле угнался, – в голосе, несмотря на злость, проскочила изрядная доля восхищения.

– Где ж вы ее взяли, такую резвую? – солдат рассматривал меня, чуть склонив голову, и мрачно хмурился.

- Где взяли - там больше нет.

- А все-таки?

- Не слишком ли много вопросов для того, кто стоит одной ногой на дороге к Вратам Вечности? Давай поводья, парень, и проваливай. Пока мы добрые.

Я взглядом умоляла его остаться, помочь, не отдавать меня в руки этим головорезам. Умом понимала, что он один, а их пятеро. У них оружие, а у него... Я не знала, если ли у него хоть что-то. Палка, кривой нож - что угодно.

Не оставляй меня... - едва дыша, беззвучно, одними губами.

Его взгляд стал еще жестче:

- Сдается мне, девушка не хочет с вами оставаться.

- Хочет, хочет, - осклабился коренастый, - она ж нам как родная, только непослушная. Ничего, воспитаем, как шелковая будет.

Сплюнул на землю и посмотрел исподлобья, намекая на то, что этот побег мне боком выйдет.

- Боюсь, воспитывать вам придется друг друга, а ее, - солдат коротко кивнул, - я заберу с собой.

- С чего ты взял, что мы ее отдадим, служивый? - главарь неторопливо поигрывал ножом, подбрасывая его в воздух и уверенно перехватывая затертую рукоять.

- Вы же знаете. Приказ императора. Все женщины должны быть доставлены во дворец.

- Что тогда останется нам, простым смертным? Не слишком ли многого хочет ваш император?

– А простые смертные смогут обеспечить безопасность? Укрыть от хвори? Император дает защиту...

– К дьяволу императора и его проклятое племя. Из-за них все началось!

Кольцо сжималось. Разбойники, уверенные в своем превосходстве, подходили все ближе, переглядывались, пересмеивались, вслух размышляли о том, кому достанутся сапоги, а кому казенная одежда.

Как ни странно, но мужчина был все так же спокоен, даже едва заметно улыбался уголками губ. Кажется, его совершенно не волновало, что вокруг ночь, он один, а врагов много, и помощи ждать неоткуда.

– У вас есть выбор: или добровольно отпустите, или я сам ее заберу, – сказал он.

– Попробуй, – главарь оскалился и без предупреждения метнул нож, метаясь солдату в грудь.

Тот уклонился, неуловимым движением на лету перехватил клинок и отправил обратно. Острое лезвие филигранно отсекло прядь волос у виска, лишь слегка чиркнув бандита по скуле и оставив тонкую царапину. В тот же миг все остальные скопом бросились на него.

Я испуганно зажмурилась, не желая видеть, как расправятся с одиноким путником, на свою беду заступившимся за меня, но вместо этого услышала возню, лязг оружия. Потом кто-то закричал, раздался топот, треск кустов, ржание лошадей. Рука, державшая меня за волосы, исчезла – разбойник швырнул меня на землю, а сам бросился бежать, через миг скрывшись в темноте леса.

Все затихло.

Я лежала, задержав дыхание, и боялась открыть глаза. Бок ломило – на него пришелся удар, когда падала, ладони были ободраны до крови, голова разрывалась от боли. Вся помятая, измученная, но свободная. По крайней мере, от бандитов...

– Ты как? Жива? – внезапно раздался голос прямо надо мной. Я не слышала, как он подошел – неуловимо тихо, словно бестелесный призрак, поэтому испуганно вздрогнула. – Все в порядке?

Смешной. О каком порядке может идти речь, когда тебя сначала выкрали, потом держали в погребке, потом поймали разбойники и наконец вот это все? Ночь, дорога, жесткая земля под спиной.

Притворяться контуженой было глупо, поэтому я открыла глаза и грустно посмотрела на него, потом перевела взгляд на то место, где еще совсем недавно были разбойники. Пусто. Они сбежали. Осталась только я и мой странный спаситель.

Он возвышался надо мной, как скала, и смотрел сверху вниз, ожидая ответа. Такой большой, спокойный, даже не запыхался после разборок с бандитами.

– Все... все хорошо, – я продолжала лежать, внезапно почувствовав дикую усталость. Мне чертовски хотелось, чтобы кто-нибудь согрел, пожалел, убедил в том, что все действительно будет хорошо. – Ты их всех прогнал? – я рассеяно махнула рукой. – Как тебе удалось?

– Ну что я, не вояка, что ли? Это моя работа – народ от таких оборотов защищать. Служу короне, – весело подмигнул солдат и протянул мне руку, – вставай, принцесса, замерзнешь.

Едва наши пальцы соприкоснулись, как проскочила искра. Щелкнула, пробивая до самых пяток, так что даже волосы на затылке встали дыбом. Служивый охнул и ошалело отдернул руку.

– Извини, током бьюсь, – нервно хихикнула я, – на нервной почве.

Он с недоумением посмотрел на свою ладонь, тряхнул ей, сжал кулак, разжал и снова протянул мне руку:

– Ничего, бывает. Вставай, замерзнешь.

В этот раз обошлось без приключений. Моя рука утонула в его теплой широкой ладони, и я даже моргнуть не успела, как оказалась в вертикальном положении, но пошатнулась, стоило ему меня отпустить.

- Не падать! - усмехнулся он и легко подхватил меня на руки. Я испуганно ойкнула и вцепилась в широкие плечи. - Не бойся. Не уроню, - он направился к телеге. - Тебя как звать-то?

- Мария.

- Красиво. А меня просто Рэй.

Он усадил меня на облучок, сам заскочил в кузов и откопал среди соломы грубое шерстяное покрывало.

- Хоть что-то, - бережно накинул его мне на плечи и сел рядом.

Я смотрела, как он роется в большом холщовом рюкзаке, и испытывала странное чувство, будто все идет как надо. Будто не может быть ничего правильнее, чем оказаться в глуши ночью наедине с незнакомцем.

Хотя какой незнакомец? Его зовут Рэй.

- У тебя вещи есть?

- Нет, - ответила без малейших колебаний. Мне было не жаль ни охотничьей сумки, ни прелых яблок, ни старой потертой фляги, - у меня ничего нет.

Рэй внимательно посмотрел на меня, словно хотел что-то спросить, но так и не спросил. Вместо этого задумчиво кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями, и тихо тронул поводья. Чубарый отозвался довольным фырканьем и неспешно побрел дальше, будто ничего и не произошло.

Постепенно свет фонаря стал более приглушенным, лес тихо перешептывался, будто стесняясь нарушать тишину, старая телега мирно покачивалась.

Усталость, которую до этого удавалось держать под контролем, медленно, но верно расправляла крылья. Этот сложный день все-таки одержал надо мной верх. Я прикрыла глаза всего ни минуточку, и сама не заметила, как провалилась в тревожный сон.

В том сне мне явился янтарный город, раскинувшийся в долине среди зеленых холмов. Высокие шпили подпирали облака, сквозь которые проглядывало солнце, редкими бликами играя на позолоченных куполах. Воздушные арки перекидывались от дома к дому, сплетались в причудливую вязь, оттеняя красоту ухоженных садов и приветливую тень уютных улиц. В сердце города, полукругом охватывая главную площадь, стоял величественный дворец, к его парадному входу вела широкая мраморная лестница, увенчанная резными перилами такой тонкой работы, что казалось, будто они выплетены из воздуха.

Но не перила привлекли мое внимание и даже не сам дворец, а мужчина, стоявший на верхней ступени. На нем был темно-синий камзол, расшитый золотом, белые кюлоты, перевязь, украшенная причудливыми узорами и драгоценными камнями. В нем чувствовалась стать и спокойная уверенность в своих силах, та самая за которой хотелось спрятаться и одновременно идти на край света, а еще огонь, опоясанный, окольцованный, но готовый взметнуться до небес по первому требованию хозяина.

Мне не удавалось рассмотреть его лица – оно было скрыто сумрачной мглой, отводящей чужие любопытные взгляды, но я четко видела его глаза. Светло-серые, как небо над зимней деревней, с каемкой цвета расплавленного золота.

Я медленно поднималась по мраморным ступеням, чувствуя, как робею с каждым шагом все сильнее, как внутри натягивается вибрирующая струна. Страх не было, мне просто стало тяжело дышать. Каждый глоток воздуха падал в легкие клубком раскаленных углей.

Мужчина, не отрываясь, наблюдал за моим приближением, и чем больше сокращалось расстояние между нами, тем заметнее становилось, что за маской внешнего спокойствия полыхает ураган.

Последние шаги. Самые сложные, самые отчаянные. Будто продираюсь сквозь липкую паутину, сковывавшую каждое движение и тянущую вниз.

Я встаю рядом с ним. Выдыхаю и, с трудом преодолев внутреннюю дрожь, поднимаю на него взгляд. Снова не вижу его лица, только глаза. Пугающе холодные и в то же время обжигающие диким пламенем.

Он ждет. Я должна что-то сказать, но не знаю, что именно. Время убегает, ускользает сквозь пальцы, оставляя после себя лишь пепел. Дворец уже не кажется таким величественным, а солнце столь ярким и беззаботным. Вокруг нас поднимают свои призрачные щупальца древняя тьма.

Сердце грохочет в груди, разрывая грудную клетку, серые глаза напротив полыхают нетерпением. Мужчина требовательно протягивает мне руку, и от его взгляда по спине бегут миллионы колючих искр, а вместе с ними приходит и озарение.

Я знаю, что должна сказать. Знаю, какого ответа он от меня ждет. Вот только хочу ли?

Тем временем тьма разрастается, поглощает один за другим дома, скромные улочки и ажурные шпили, стягивается с окраин к центру. Я уже чувствую ее холодное тяжелое дыхание. Ждать больше нельзя.

– Согласна, – киваю и кладу свою руку в его.

Серые глаза моментально меняются. В них вспыхивает огненный ураган, зрачки стягиваются, становясь узкими, как у зверя, вышедшего на охоту.

Обратной дороги нет.

Глава 4

Я вскрикнула, дернулась, пытаюсь отстраниться, сбежать от незнакомца, и... проснулась.

Сверху в просветы между вековыми соснами на меня равнодушно смотрело рассветное небо, в хрустально неподвижном воздухе витал запах сырого мха и

горькой хвои, едва оттененной сладостью медуницы.

Было по-утреннему прохладно. Я поежилась и приподнялась на локтях, пытаюсь понять, где нахожусь. Оказалось, все в той же телеге. Только теперь я лежала в кузове, по уши накрывшись чуть влажным одеялом. Кстати, удобно лежала. Под головой – свёрнутая рулоном куртка, со всех сторон свежая солома.

– Доброе утро. – Рэй услышал, что я проснулась, остановил чубарого и обернулся.

– Доброе, – без особого энтузиазма ответила я.

Почему-то мне было стыдно смотреть на спутника. То ощущение правильности, которое было вчера вечером, безвозвратно исчезло. Я снова чувствовала тревогу. Все тот же лес, та же неразбериха, только рядом со мной не пяток бандитов, а одинокий солдат, от которого все эти бандиты почему-то бросились наутек.

Пытаясь скрыть смущение, я кое-как пригладила спутанные волосы, вытащила из них соломинки, разгладила ладошками рваный подол, старательно прикрывая им ноги.

– Ты заснула и чуть не свалилась, – спокойно продолжал он, рассматривая мою заспанную, растерянную физиономию, – мне пришлось тебя переложить.

– Спасибо, – я аккуратно кивнула и села поудобнее, – сколько времени?

– Часов семь.

– Ты сам-то спал?

– Подремал немного, – Рэй пожал плечами и полез в рюкзак, – вон там за кустами ручей. Можешь освежиться, а я пока костер разведу. Воды прихватишь?

Я не стала корчить из себя рафинированную даму, которая падает в обморок от одной мысли о походной жизни, немного неуклюже слезла с телеги, взяла почерневший от копоти котелок и побрела в указанном направлении.

Колючие кусты не хотели пропускать меня, пришлось буквально продираться сквозь них, прикрывая лицо от веток, норовивших стегнуть по глазам.

– Черт, – тихо выругалась, поскользнувшись на траве, еще не просохшей от росы.

– Все в порядке? – тут же раздался голос издалека.

У него слух, как у летучей мыши!

– Да! – крикнула в ответ и поплелась дальше, внимательно глядя себе по ноги – не хватало еще на змею наступить в таких зарослях.

Ручей обнаружился метров через тридцать. С едва слышным журчанием он тек по дну небольшого оврага, укрытого раскидистыми лопухами, и терялся среди камней. Как Рэй догадался, что он здесь, для меня осталось загадкой.

Убедившись, что никто за мной не идет, я развязала завязки на груди, стащила грязное платье и осмотрела его. Часть подола позади была оборвана – это разбойник хватал своими лапами, ловя меня в ночных зарослях. Я без сожаления оторвала болтавшийся лоскут, простирнула его в студеной воде и обтерлась, охая и шипя от холода. Мне бы сейчас горячую ванну, ароматный гель для душа и красивую музыку. Ничего, выберусь из этой передряги – подарю себе поход в спа-салон. На весь день. Меня будут мять, обмазывать благовониями, а я буду млеть, блаженно прикрыв глаза...

Услужливая память тут же подкинула воспоминания о том, чем закончился мой последний поход в салон и закрытые глаза. Млеть сразу расхотелось. Я торопливо оделась, умылась, кое-как пальцем почистила зубы, набрала воды и пошла обратно.

Солдатик уже развел небольшой костер на обочине. Вбил по обе стороны от него колышки с рогатками, забрал у меня котелок и, повесив его на палку, примостил над огнем.

– Деликатесов у меня нет, ты уж извини. Я привык путешествовать налегке, без запасов, – виновато улыбаясь, он протянул мне пластинку вяленого мяса, – оно... на любителя, но голод утоляет.

– Спасибо, – я приняла угощение, с сомнением покрутила его в руках, понюхала и аккуратно укусила.

Проще жевать автомобильные покрышки. Прелые яблоки из дома Лойда уже казались не таким плохим вариантом.

– Ну как?

– Мммм... – протянула, не зная, что сказать, чтобы не обидеть, – это просто... божественно. Никогда такой вкуснятины не пробовала.

Он покачал головой и тихо засмеялся:

– Прости. Если бы знал, что встречу тебя, то подготовился бы получше. Если хочешь, можно подстрелить зайца или грибов набрать, но на это уйдет время, а мне бы хотелось засветло добраться до города.

– Не надо зайца. И грибов, – тут же отмахнулась я, – не сахарная, и это прожую.

Я была готова грызть хоть старую калошу, лишь бы поскорее добраться до цивилизации.

– У меня вроде хлеб оставался! – вспомнил Рэй и снова полез в рюкзак.

Порылся, пошелестел и вынул ломоть хлеба, завернутый в промасленную бумагу. Нахмурился, потом постучал им по ободу колеса.

– М-дя. – Я покосилась на унылый сухарь, а вояка только виновато развел руками. – Ладно, с чаем сойдет.

Из того же рюкзака появились две жестяные кружки, в каждую из которых солдат бросил по щепотке заварки и паре кусков сахара. К этому времени вода начала неспешно булькать в котелке.

– Я сам, – он аккуратно налил в кружку и протянул ее мне, – осторожно. Горячо.

– Спасибо.

Ели мы молча. Рэй невозмутимо грыз мясо, а я размачивала хлеб в сладком чае и думала о том, как же мне хочется жареной картошки, свежемолотого кофе и пирожков с повидлом.

После завтрака, пока Рэй прикапывал костер, я сполоснула кружки остатками горячей воды и убрала весь мусор. Пора было продолжать путь. Трястись в кузове не хотелось, поэтому я накинула на плечи одеяло и села рядом с возницей, наблюдая за тем, как размеренно покачивается круп Чубарого при каждом шаге.

– Хочешь поговорить? – внезапно спросил мой спутник, когда мы выехали из чащи к большому озеру, похожему на бирюзовое зеркало.

– О чем?

– О том, где ты оказалась, – он напряженно посмотрел на меня, и в темных глазах не было ни намека на улыбку, – ты ведь все поняла?

Мне стало трудно дышать. Я смотрела на мужчину, спасшего меня от разбойников. На клинок в ножнах у него под рукой. На одежду, которой никогда не видела прежде. На лето, внезапно вытеснившее зиму.

Он прав. Я все поняла. Давно, еще в доме беззубого жениха. Это был тот самый иррациональный ответ на все вопросы, о котором я запрещала себе думать.

– Другая страна? – спросила, еще на что-то надеясь.

Рэй покачал головой и, лишая последних иллюзий, спокойно ответил:

– Другой мир.

Вот и все. Приплыли.

Я молча уставилась на свои руки, рассматривая линии на ладонях. Интересно, здесь где-нибудь был знак, предупреждающий о том, что на жизненном пути меня подстерегает такая засада? И почему именно меня? И что с этим делать?

- М-дяяяя, - протянула, задумчиво почесывая бровь. - Мдяяяя.

- Ты как? - спросил Рэй.

Как я? Прислушалась к себе, к своим ощущениям, и пожала плечами:

- Вроде нормально.

- Истерика будет?

- А должна?

- Всякое бывает. Ты ведь не первая, кого сюда заносит. Кто-то бегают по лесу и вопит, кто-то ревет белугой, кто-то угрожает и требует, чтобы немедленно вернули обратно.

- И как? Вернули? - Он бросил на меня быстрый взгляд и досадливо поморщился. - Понятно.

Снова повисла тишина.

Новости, конечно, неутешительные, но даже из такой непростой ситуации должен быть выход.

- Что, совсем нет способа вернуться обратно?

- Маш, я простой солдат и не могу дать тебе ответ на этот вопрос. Слышал только краем уха, что в столице живет пара таких... попаданок.

- Нормально хоть живет? - уныло поинтересовалась я.

- Что с ними может быть ненормально?

- Например, их держат в клетках и выставляют на потеху народу. Или держат в доме для умалишенных? Что ты смеешься? Я, между прочим, о серьезных вещах говорю, - насупилась, заметив, что мой спутник улыбается.

- Ты забавная, - просто сказал он и уже серьезно добавил, - не переживай. Все с ними в порядке. Они нашли себе место.

- Ты в этом уверен, или тоже что-то где-то от кого-то слышал?

- Слышал. Уверен.

- Просто если в столице меня ждет какое-нибудь «развлечение» в виде смирительной рубашки или оков, то я, пожалуй, не поеду с тобой.

- Куда же ты денешься? Ты ничего не знаешь об этом мире.

- Ничего. Разберусь. Дойду до какого-нибудь поселения, попрошу пристанище, буду работать, спокойно жить.

Перспективы звучали совсем не заманчиво, и я снова приуныла.

Рэй досадливо крякнул:

- Не получится у тебя спокойной жизни. Ты ведь заметила, что здесь что-то не так, неправильно?

- Неправильно? Да здесь все какие-то странные! Из тех людей, что я умудрилась повстречать за эти сутки, только ты в адекватном состоянии. Вроде бы... - подозрительно покосилась на своего спутника.

- Вроде бы? - он вздернул бровь.

- Я ж не знаю, куда ты меня везешь. Может, в столицу, а может, в свое тайное логово, чтобы жениться, как все остальные.

Он нахмурился, недовольно сверкнув темными глазами. Почему-то упоминание о моих несостоявшихся женихах его рассердило.

– Хочешь знать, почему они все на тебя бросались?

– Мне, конечно, хотелось бы думать, что это из-за моей неземной красоты, – не смогла сдержать сарказм, – но готова выслушать и твой вариант.

– Пару лет назад случилось нечто непредвиденное. Один... высокопоставленный дурак решил, что ему все можно. Пошел... куда не следует, и сделал то... на что не имел права...

– Ничего не понятно, но очень интересно.

Рэй моей иронии не оценил и тихо продолжал:

– Он хотел получить больше власти, а в итоге пробудил древнее проклятье. – Я затихла, глядя на точеный мужской профиль. Рэй задумчиво потер подбородок, будто решая, стоит ли мне рассказывать эту историю. – Все началось с дальних деревень у подножья Змеиных гор, куда спустился черный туман. Он неделю клубился над домами, закрывая солнечный свет, а потом исчез. Потом появился в другой деревне и снова растворился, как и не было. А спустя некоторое время люди начали болеть. Сначала никто не понял, что происходит. Болезнь проявлялась, как обычная простуда. Жар, головная боль, слабость. Она поражала всех без разбору... Но выздоравливали только мужчины.

– А женщины? – у меня во рту внезапно пересохло. – Что стало с женщинами?

– Они начали перерождаться. Во что-то страшное, – он мрачнел все больше, – в тварей без памяти, чувств, души... но с отменным чувством голода. Мы называем их выжлами.

– Почему?

– Да просто сначала люди при встрече спрашивали друг друга «выжила ли, выжила ли». Так название и появилось.

- Что с ними было дальше? После перерождения?

- Ничего хорошего. Они теряли все человеческое и бродили в поисках жертв. Бросались на людей, кусали, рвали на части. И что самое страшное, от их укуса заболевали здоровые. Так зараза начала распространяться. Мы не сразу поняли это, а когда спохватились – было поздно. Болотная хмарь расползлась по всей стране.

- Какая жуть. Лекарство нашли?

- Нет. Лучшие лекари бьются над решением этой задачи, но пока безуспешно. Мы лишь придумали, как не подпустить черный туман к столице. Император и его преданные соратники смогли укрыть город и близлежащие поселения защитным куполом, сквозь который зараза не может проникнуть по воздуху, а от выжл охраняем мы – контролируем периметр, не подпускаем их к куполу.

- Разрушаете и сжигаете?

- Если подходят близко, то да, – он не стал отпираться, – чтобы уберечь здоровых женщин, нам пришлось забирать их под купол.

- У вас там бабское царство? – нервно усмехнулась я.

- Нет. Вас осталось не так уж и много, – сказал он таким тоном, что стало не по себе, – да к тому же не все ушли в столицу. Часть ненормальных предпочла остаться, вместо того чтобы получить шанс на спасение. Они прятались от патрулей в лесах, лишь бы их не забрали...

- Они просто хотели остаться с родными.

- Они просто подписали себе смертный приговор. Я был в одной из таких деревень, где женщины отказались уходить, а спустя пару месяцев наведалься туда еще раз.

- И как? – прошептала я.

- Нет больше той деревни. Вымерла, – рвано ответил Рэй.

Мне стало страшно. Накатанная дорога шла по краю красивого озера, а я смотрела по сторонам, и под каждым кустом мне мерещился черный туман и кровожадные чудовища.

- Что стало с тем дураком, который все это натворил?

- Не выдержал позора и груза вины. Сбросился с утеса.

- Очень... грустная история.

- Я надеюсь, ты поняла, насколько ситуация серьезна, и не будешь творить глупостей? Сбегать, например, - он исподлобья посмотрел на меня.

- Не буду, - нервно сглотнула.

Какой там побег? Я от него теперь ни на шаг не отойду!

Рэй коротко кивнул, принимая мой ответ:

- Ты молодец, кстати. Отлично держишься.

- Разве у меня есть выбор? - я только развела руками. - Хочешь не хочешь, а держись.

Мужчина одобряюще улыбнулся.

И почему-то при виде этой улыбки стало горячо в груди, под ребрами, там, где билось растревоженное сердце.

Мы миновали озеро, сосновый бор с зелеными великанами, подпиравшими небосвод раскидистыми лапами, проехали сквозь редкий подлесок и на закате выбрались к бурной реке. Она пробивала себе путь среди каменистых берегов, ярилась, пенилась, высоко вскидывая белые барашки, и казалась совершенно непреодолимой.

- Приехали, - мрачно сказал Рэй, спрыгивая на землю, - дальше дороги нет.

- Что случилось? - я тоже слезла с телеги и пошла следом за мужчиной, который уже стоял на самом краю и смотрел вниз.

- Тут раньше стоял мост, - он указал рукой туда, где из воды торчали позеленевшие обломки деревянных опор. - Это был короткий путь до Комора. Через час уже были бы в городе. Не столица, конечно, но гостевые дома для путников достойные, горячая вода, еда. А главное - безопасно, потому что там стоит наш гарнизон. Жди здесь.

Рэй прошелся вдоль берега до того места, где река делала крутой изгиб, и вернулся с неутешительными новостями

- Временного моста нет, тихого места для перехода - тоже.

- И что теперь?

- Ближайшая переправа находится вверх по течению в трех часах пути. Даже если доберемся туда засветло, в чем я очень сомневаюсь, попасть в город все равно сегодня не успеем. Слишком большой крюк.

Я устала, от долгой тряски на жесткой телеге у меня болела поясница и место пониже ее, поэтому одна мысль о долгой дороге навевала уныние.

- Еще варианты?

- Сколько хочешь. Можем разбить лагерь прямо здесь и продолжить путь завтра. Можем двинуться вниз по течению. Дальше река станет шире, но спокойнее. Возможно, повезет - найдем брод. Но опять-таки не сегодня.

Мне не хотелось искать брод, а солнце еще стояло достаточно высоко, чтобы продолжать путь.

- В любом случае придется опять ночевать под открытым небом? - хмуро спросила я.

– Похоже на то.

– Тогда поехали к переправе. Не будем терять время.

– Уверена?

Ему-то все равно, что брод, что переправа, что ночное путешествие – он выглядел бодрым и полным сил, несмотря на долгий переход.

– Да.

Пока Рэй набирал во фляги свежую воду, я ходила по берегу, разминая затекшую спину, а заодно искала в траве румяную землянику. Вкус у нее был просто божественный, особенно после того, как весь день ешь только вонючее сухое мясо и грызешь сухари.

Потом мы снова погрузились на повозку и продолжили путь. Разговор не клеился, мысли о том, что удобный ночлег так близок, но недосыгаем, навевали тоску. Вдобавок вместе со стремительно сгущавшимися сумерками пришел дождь.

Рэй хмуро посмотрел на небо, скинул мне поводья, приказав держать прямо, и перебрался в кузов телеги. Откуда-то из-под соломы он достал несколько гнутых распорок, ловко приновил их в специальные пазы по бокам сиденья. Потом вытащил плотно свернутый брезентовый «капюшон», накинул сверху, затянув кожаными тесемками. Получился навес, под которым можно было укрыться от ветра и дождя.

Я забились поглубже, пытаюсь спрятаться от мелких брызг, но все равно было неуютно, беспокойно. Покосилась на невозмутимого спутника и подвинулась немного ближе, а потом еще немного. И еще. Он ничем не выдал того, что заметил мои манёвры, и продолжал следить за дорогой. А я едва дышала, потому что ощущать рядом крепкое мужское плечо оказалось неожиданно волнительно.

Постепенно дождь усиливался, а порывы ветра становились все резче и сердитее.

Рэй пошарил рукой под сиденьем и достал старый походный плащ:

– Надень, а то замерзнешь.

Плащ оказался неудобным. Мало того что он был подбит шерстью и весил килограмм десять, так еще и размером на взрослого крепкого мужчину. Я в нем попросту утонула. Низ свисал чуть ли не до земли, а руки едва выглядывали из рукавов. Зато стало тепло.

Как назло, вдоль реки стелилось поле и не росло ни единого деревца, под которым можно было бы укрыться. Темнота становилась все плотнее, нам приходилось двигаться вперед при свете тусклого фонаря и редких проблесков молнии. Вскоре едва заметная дорога превратилась в смесь грязи и травы, которая наматывалась на колеса, еще сильнее замедляя передвижение. Чубарый недовольно хлестал хвостом, тряс мокрой гривой и храпел, закусывая удила, но продолжал идти.

– Если остановимся – точно завязнем, – терпеливо пояснил Рэй, – надо двигаться дальше. Скоро выберемся на нормальную дорогу, будет легче, а там уж и до цели недалеко.

Мне оставалось лишь послушно кивать и надеяться на то, что дождь не будет идти всю ночь.

Когда перед нами словно из ниоткуда вынырнули два каменных полуразрушенных столба, Чубарый встал. Я испуганно отпрянула, а Рэй, наоборот, довольно улыбнулся:

– Вот и переправа.

Она представляла собой низкий тяжелый мост без ограждений. Разъяренная река с ревом бросалась на массивные опоры, пытаясь разрушить внезапную помеху на своем пути, но каменный исполин стоял намертво, не обращая внимания на буйство природы.

Внезапно присмиревший Чубарый с опаской косился на столбы, не решаясь пройти мимо. Из-за дождя и темноты я не могла как следует их рассмотреть, но

на какой-то миг, всего на долю мгновения, мне показалось, что они похожи на силуэты древних чудовищ.

Наконец, мы тронулись с места и въехали на мост. Перестук копыт тонул в шелесте дождя, ветер швырял в нас ворохи брызг, пахнувших тиной, и норовил сорвать навес, под которым мы укрывались от непогоды, а небо то и дело озарялось голубыми росчерками молний.

Особенно сильно полыхнуло, когда мы добрались до середины моста. Призрачный свет выхватил из темноты еще два столба, поджидавших нас на другом берегу.

- Это же... - я изумленно выдохнула и замерла на полуслове.

- Драконы, - закончил за меня Рэй, - по преданию они должны были охранять эти земли от злых духов.

- У них получилось?

- Нет, - коротко бросил он и тряхнул поводьями, заставляя коня двигаться быстрее, - они сами все испортили.

Спустя еще час, вдоволь накатавшись по ночному лесу, мы выбрались к склону холма. Внизу, у его подножья, приветливо маня уютными огнями, раскинулось небольшое поселение.

Сердце в груди радостно подпрыгнуло. Похоже, сегодня нам все-таки удастся добраться до теплого, а главное - сухого ночлега! Может быть, даже дадут поесть!

- Давай туда! - я нетерпеливо махнула рукой, тут же позабыв о том, что еще пару минут назад угрюмо клевала носом и пыталась не заснуть.

- Погоди, - тихо сказал Рэй и бесцеремонно накинул мне на голову капюшон, - надень и не снимай.

– Зачем? – я приподняла край ткани, свисавшей мне на глаза, и недоумевающе посмотрела на солдата.

Меня испугал его напряженный тон и хмурый взгляд исподлобья.

– Я не знаю, что это за место. Что там за люди. Как они отреагируют на наше появление. Поэтому не высывайся, всегда стой в тени позади меня и молчи. Плечи опусти. Пускай лучше думают, что ты немощный немой старик, а не девушка. Поняла?

Стало немного не по себе. Я так устала от дороги и так обрадовалась огням внизу, что забыла о том, где нахожусь и что здесь происходит.

– Поняла.

Он еще раз осмотрел меня с ног о головы, убедился, что все в порядке, и только после этого тронул поводья. Чубарый, как всегда, чутко отреагировал на молчаливый приказ и побрел дальше, неспешно перебирая мохнатыми ногами.

Пока мы спускались вниз по хорошо укатанной дороге, дождь разошелся еще больше и хлестал по земле, поникшим кустам и одиноким путникам. Местами спуск был достаточно крутым. Тогда телега резко накренилась вперед, и вода с брезента потоками обрушивалась прямо перед нашими лицами.

Толстый плащ оказался как нельзя кстати. Я пониже опустила тяжелый капюшон, плотнее прикрыла ноги, спрятала ладони в складках грубой ткани и с тревогой взглянула на солдата: его китель промок насквозь, несмотря на навес, темные волосы прилипли ко лбу. Однако это служивого совершенно не волновало. Он продолжал невозмутимо управлять повозкой и лишь изредка хмурился каким-то своим мыслям.

Дорога вывела нас напрямиком к высокому частоколу, защищавшему деревню от незваных гостей. Рэй спустился с телеги, взял под уздцы тревожно всхрапывавшего Чубарого и повел его за собой к воротам. Там Рэй взялся за массивную металлическую скобу и постучал. Прислушался и постучал еще раз. Казалось, за раскатами грома нас никто не услышит, но прошло несколько секунд, и в воротах распахнулось неприметное окошечко. Как раз на уровне

человеческих глаз.

- Кто идет? – прокаркал голос с той стороны. – Кто такие?

- Простые путники. Возвращаемся в столицу. Нам нужен ночлег и еда.

- А деньги у вас есть, чтобы заплатить?

Я приуныла. В этом мире у меня не было даже запасных трусов, что уж говорить про деньги.

- Есть, – Рэй достал из кармана небольшой мешочек и потряс им. Раздался звон монет. – За все заплатим. Только пустите.

Окошечко закрылось, послышался скрежет отодвигаемого запора, и ворота с надсадным скрипом распахнулись.

- Проезжайте! Живо!

Мы заехали под своды широкой деревянной арки, с другой стороны которой виднелись еще одни ворота. Дождь сюда не проникал, но было очень душно и так сильно пахло дегтем, что запершило в горле. Тотчас захотелось обратно на свежий воздух, но, помня слова Рэя, я еще ниже опустила капюшон и сгорбилась.

Тем временем стражник зажег фонарь и подошел к нам:

- Что везете?

- Ничего. Пустая телега. Можете проверить, – Рэй указал на повозку.

Мужчина взял палку, заостренную с одного конца, и тщательно потыкал ей в солому на случай, если там кто-то притаился. Убедившись, что все в порядке, он отправился ко вторым воротам:

– Чисто. Проезжайте, – поднял засов и навалился на тяжелую створку. – Постоялый двор в конце улицы. Там же навес для лошадей.

– Спасибо, добрый человек.

Мы поехали дальше.

Деревенька представляла собой нагромождение одно- и двухэтажных домов. Они жались друг к другу, будто ища защиты, сдавливали с двух сторон узкую улочку, нависая над ней мрачными тенями. Из света – только одинокие фонари, закрепленные возле входов, да тусклый свет, что пробивался из-под плотно прикрытых на ночь ставней.

Придерживая край капюшона, чтобы случайно не сполз, я тихонько поглядывала по сторонам, уныло отмечая какое это мрачное и неприятное место.

Постоялый двор встретил нас скрипящей на ветру вывеской и запахом чего-то горелого.

– Сиди здесь, – распорядился Рэй и принялся распрягать Чубарого.

Потом завел его под широкий навес, насыпал зерна, дал воды.

Я наблюдала за тем, как проворно он чистит крутые бока коня, и невольно любовалась размеренными движениями. Сильный мужчина, уверенный в себе и своих действиях. Красиво...

Закончив, он вернулся ко мне:

– Помнишь, о чем мы договаривались?

– Да.

В ответ осуждающий взгляд. Проклятье! Забыла! Надо же молчать.

Чопорно кивнула.

– Так-то лучше.

Я кое-как подобрала тяжелые полы плаща, ухватилась за скользкий край телеги и... чуть не завопила, когда крепкие руки внезапно сжались на талии.

– Осторожно, – тихо сказал он, словно пушинку, опуская меня на землю, – идем.

Рэй направился к крыльцу, а я растеряно смотрела ему вслед и чувствовала, как в груди от волнения заходится сердце.

Глава 5

Постоялый двор мало походил на пятизвездочный отель. Неприветливое помещение со столами и лавками, стойка, за которой сидел пузатый мужчина в неопрятной одежде, узкая лестница на второй этаж. Отвратительных запах подгоревшей еды и тусклый свет масляных ламп дополняли неприглядный антураж и наводили на мысль, что под открытым небом было не так уж и плохо.

– Чего надо? – спросил хозяин, не прекращая своего занятия.

Он потер грязной тряпкой стакан, потом поднял его к свету, недовольно хмыкнул. Плюнул. В стакан. И снова начал тереть.

Рэй лишь на миг позволил себе брезгливо изогнуть губы, потом выражение его лица вновь стало невозмутимым, а у меня поперек горла встал горький ком. Пожалуй, на сегодня я не голодна.

– Две комнаты.

– Есть только одна. Остальные заняты.

Чувствуя на себе взгляд солдата, я просто кивнула. Лучше с ним рядом. В одной комнате. В одиночестве мне станет страшно и холодно, накинется тоскливые мысли. Я не хочу оставаться одна.

– Хорошо.

– Ужин?

Рэй еще раз посмотрел на стакан, который натирал толстяк, нервно сглотнул и покачал головой:

– Пожалуй, нет.

– Зря. У нас кабан на вертеле. Позавчерашний...

Это он так жутко воняет? Наверное, своей смертью умер.

– Пироги есть. С капустой.

Я тут же представила, как он своими грязными руками мнет тесто, попутно почесывая зад или ковыряясь в носу, и не смогла сдержать дрожь отвращения.

На губах Рэя проскочила едва заметная улыбка:

– Спасибо. Не голодны.

– А твой спутник? Почему он все время молчит?

Я сжалась еще сильнее и, стараясь казаться незаметной, отступила за широкую спину мужчины.

– Он немой и немного... не в себе.

– Убогий, что ли? – бесцеремонно спросил хозяин, вперившись в меня мутным взглядом.

– Да.

Ну спасибо тебе, солдатик! Убогой меня еще никогда не называли.

– Учти. У нас разговор простой. Начнет буяннить – на вилы и за ограду.

– Не начнет. Я присмотрю, – Рэй забрал замызганный ключ и подтолкнул меня к лестнице: – Идем.

На втором этаже было еще мрачнее, чем на первом. Свет дарила одна единственная лампа возле лестницы, а дальше царил полный сумрак. Я растерялась, но тут же почувствовала, как Рэй берет меня за руку и уверенно ведет вперед.

Я понятия не имела, как ему с первого раза удалось найти замочную скважину и отпереть скрипучий замок. Темнота его совершенно не смущала. Заходить Рэй не спешил – остановился на пороге, крепко удерживая меня за руку, прислушался. Я тоже замерла и превратилась в слух, но ничего, кроме грохота собственного сердца, не услышала.

– Заходим, – наконец, тихо сказал Рэй и пропустил меня вперед.

Я сделала пару шагов и остановилась, в темноте не понимая, куда идти и что делать.

– Сейчас, – раздался тихий скрежет, дребезжание стекла, щелчок, и комнату озарил тусклый свет. Рэй стоял позади меня и сосредоточенно крутил задвижку на старой лампе: – М-да. Ярче не получится.

– А если...

– Т-с-с... – приложил палец к губам, – не надо. Молчи.

Убедившись, что лампа горит ровно и не собирается внезапно погаснуть, Рэй поставил ее на стол, подошел к окну и, чуть сдвинув штору, выглянул на улицу, скользнул по ней острым взглядом.

Обхватив себя руками, я тревожно наблюдала за тем, как мужчина подошел к низкой двери в углу комнаты, толкнул ее и шагнул внутрь. Хотелось бежать за ним, спрашивать, все ли в порядке, но не могла даже с места сдвинуться.

Спустя миг раздался звук льющейся воды.

– Все нормально, – сказал Рэй, возвращаясь ко мне, – это, конечно, не королевские купальни, но смыть дорожную грязь вполне можно.

Он подошел ко мне и начал развязывать тесемки на плаще, а я забыла, что нужно дышать.

– Сырой, надо снять, – пояснил, заметив мой изумленный взгляд.

Я сдавлено кивнула.

Внезапно показалось, что стены вокруг нас сжались, воздух ушел, оставив выжженную пустыню, стало жарко. Я только сейчас поняла, что мы с ним вдвоем, в маленькой комнате, на всю ночь. Те отблески притяжения, что осторожно тлели днем, теперь стали разгораться все сильнее.

Это, наверное, инстинкт. Тот самый, который в экстремальных ситуациях толкает навстречу понравившемуся человеку. Иначе как объяснить то, что происходило со мной, тот трепет, который расползлся по венам, вытесняя здравый смысл?

– Иди первая, – Рэй невозмутимо кивнул на маленькую дверь. Он или не заметил, или просто сделал вид, что не замечает моего состояния. Забрал плащ и, пока я топталась на месте, развесил его на спинках стульев. – Иди, – повторил с нажимом, – пока горячая.

Я поспешила в умывальню. Не из-за воды, а из-за того, что щеки начало нестерпимо калить. В груди происходило что-то странное, волнующее и нестерпимо приятное. Сворачивалось теплым комом и спускалось в живот, растекалось по венам, заставляя трепетать.

Дверь в купальню не запиралась, мне даже не удалось прикрыть ее до конца. В узкую щель было видно, как Рэй ходит по комнате, раскладывая наши вещи, снимает насквозь промокший китель.

На этом моменте я отпрянула, испугавшись, что он заметит, что я за ним подглядываю. Отошла подальше и начала стягивать с себя грязную одежду. Почистить бы ее, но позже, сначала хочется искупаться самой.

В маленьком помещении было прохладно, несмотря на клубы пара, поднимавшиеся над старой деревянной кадкой. Сквозь криво заколоченное окно просачивался свежий ночной воздух. Он стелился по полу, вынуждая поджимать пальцы и ежиться, забирался по телу выше, мурашками проходил по спине.

Еще раз бросив взгляд на дверь, я забралась в кадку. Постояла пару мгновений, позволяя коже привыкнуть, и опустилась в горячую воду, стараясь не думать о том, что за тонкой перегородкой находится мужчина, при виде которого сердце начинает биться чуть быстрее.

Разлеживаться я не стала. Неизвестно, как в этом мире обстоят дела с водой, а нас все-таки двое, и солдату тоже надо погреться после ночной поездки под дождем. Я взяла с медной полочки кусок коричневого мыла, как и все в этой деревне пахнущее дегтем, сначала кое-как намылила спутавшие волосы, потом всю себя. Окатилась и вылезла из кадки, тут же почувствовав, как по ногам тянет прохладой.

В углу на крючке нашлось серое полотенце, такое старое и застиранное, что на просвет были видны разномастные бреши. Доверия оно мне не внушало, но другого варианта не было, поэтому вытерлась, стараясь не думать о том, хорошо ли оно постирано после прежнего постояльца, замотала им волосы и с некоторым сожалением надела грязное платье на чистое тело. После этого вышла в комнату.

Рэй сидел на корточках возле покрытого копотью старого камина и разводил огонь.

– Дымоход забит, так что сильно разжигать не буду, а то угорим, – произнес он, не оборачиваясь.

Я сначала кивнула, во все глаза пялясь на рельефную спину, потом сообразила, что он меня не видит, и едва слышно выдохнула:

– Хорошо.

– Сейчас будет теплее, – он поднялся, отставил в сторону кочергу и развернулся ко мне лицом.

Вот это торс! Я аж забыла о том, что хотела сказать. Все силы уходили на то, чтобы открыто не пялиться.

– Я все. Можешь идти в купальню, – кашлянула, старательно отводя взгляд в сторону.

Его голые плечи, широкая грудь, плоский живот с четко очерченными порожками пресса и сбегавшей вниз темной полоской волос, заставляли меня нервничать и дышать чуточку чаще, чем обычно. Хотя вру. Гораздо чаще. Глубже. И с надрывом.

На него хотелось смотреть, жадно лапать взглядом. Его хотелось трогать настолько сильно, что ладони начало колоть, словно иголками.

Ё-мое... Ну нельзя же быть таким... совершенным!

Я поспешила отойти к окну, чтобы Рэй вдруг не догадался о том, какие мысли бродят в моей дурной голове. Мне было жарко. И душно. Колени стали совсем ватными, сердце истошно колотилось где-то в животе.

Не смотреть на него! Не смотреть! Добром такие взгляды точно не кончатся.

Я все-таки обернулась и чуть не завизжала от испуга, потому что мужчина стоял прямо у меня за спиной. Его взгляд пронзительный, острый, как стальной клинок, пробирал до самых костей. Он видел насквозь и меня, и мои жалкие попытки казаться невозмутимой, и дрожащие руки, и шальной блеск глаз.

Воздуха в комнате стало еще меньше.

Уже понимая, что окончательно и бесповоротно пропала, я смотрела на жесткие, по-мужски красивые губы, и понимала, что просто умру, если к ним не

прикоснусь.

Его взгляд стал еще темнее.

– Рэй... там вода... остывает, – последняя попытка остановиться.

– Плевать.

Мы одновременно шагнули навстречу друг другу. Его руки по-хозяйски сжали мою талию, придавливая к сильному мужскому телу, а я с блаженным стоном вцепилась в его плечи, подалась вперед, позволяя себя жадно целовать и не менее жадно целуя в ответ.

Дальше все было как в тумане. Платье, которое я только успела надеть, снова оказалось на полу. Старая кровать протестующе заскрипела, когда он буквально швырнул меня на нее и тут же навалился сверху. Его губы, ласкающие кожу.

Изнемогая от предвкушения, я выгнулась навстречу. В венах кипела кровь, отравленная желанием. Хотелось большего. Здесь. Сейчас. С ним. Хотелось до конца. Теряя рассудок и связь с реальностью. Забывая собственное имя. Забывая, кто я, где я. До слез, до нервной тряски.

Я даже не догадывалась, что такое бывает, что можно настолько желать мужчину, сходить с ума и умирать от одной мысли, что если бы не мистическое стечение обстоятельств, мы бы с ним никогда не встретились.

Он внезапно замер, упираясь руками по обе стороны от меня и тяжело дыша:

– Нельзя.

Такое простое слово, но меня от него прострелило насквозь от макушки и до самых пяток.

– Почему? – еле дыша, спросила я.

– Потому что нельзя. – Его голос хрипел, а в глазах полыхало такое пламя, что казалось: приблизиться еще немного – и сгоришь дотла.

Рэй через силу убрал руки с моего тела и отодвинулся сначала на край кровати, потом и вовсе встал. Громко выдохнул, раздраженно потер шею и отошел к окну.

Тут же стало холодно и почему-то стыдно. Я увидела себя со стороны. Разобранная, почти что голая, с пылающими щеками, шальным взглядом, припухшими от бесстыдных поцелуев губами.

Мы ведь едва знакомы...

Окончательно смутившись, я прижала к груди колючее одеяло и затравлено огляделась по сторонам в поисках платья. Оно жалкой кучкой валялось возле кровати. Грязное, помятое... как и я сама.

Мужчина даже не обернулся. В отличие от меня, он уже был спокоен. Его дыхание выровнялось, плечи перестали напряженно подрагивать. Он уперся руками в подоконник и равнодушно смотрел в окно, будто меня и не было рядом, будто всего пару мгновений назад не целовал так, что кругом шла голова.

«Потому что нельзя», – гремели в голове его тихие слова.

Нельзя что? Идти на поводу своих желаний? Быть солдатом и проявлять чувства? Целовать попаданок? Что именно нельзя? А может, он не свободен? Может, у него жена и дети, а со мной он просто проявил непростительную слабость?

Стало совсем тошно. В полнейшей тишине я натягивала платье, путалась в подоле, рукавах, завязках. Перед глазами пелена непрошенных слез, и внутри, за ребрами, так больно, что нет сил терпеть.

Мне двадцать три, и я далеко не монахиня. У меня были отношения, но за всю жизнь я ни разу не чувствовала такого. Все мои любовные переживания ограничивались трепетом перед свиданием и робостью первого поцелуя. Я и не догадывалась, что может быть вот так: душа наизнанку, а сердце вскачь. Не верила, что такое бывает на самом деле.

Оказывается, бывает, и почему-то именно с тем, кто умеет так хладнокровно говорить «нельзя».

– Ты меня прости, – бесцветно сказал Рэй, когда я оделась и теперь стояла у него за спиной, не зная, куда деваться от стыда, – я не должен был... случайно вышло...

Случайно вышло...

Случайно обожглась.

– Не хотел тебя обидеть.

– Ты и не обидел.

То, что я чувствовала, было совсем не похоже на обиду. Разочарование, опустошение, необъяснимая тоска. Словно меня лишили чего-то жизненно необходимого и ничего не дали взамен.

– Маш?

Нет меня. Утонула в пучине жалости к себе.

– Маша! – повторил требовательно и шагнул ко мне, намереваясь взять за руку.

Этого я снести не могла и отшатнулась в сторону, как от огня.

Мужчина остановился, впившись в меня напряженным сумрачным взглядом, и больше не делал попыток прикоснуться. Только смотрел, и в тусклых дрожащих отблесках огня мне казалось, что его глаза меняли свет. То становились пугающе непроглядными, как горная пропасть, то светлели, как небо после грозы. Ему было не все равно. Слабое утешение.

– Рэй, все в порядке, – голос сорвался на хрип. Мне было очень сложно держать себя в руках, – просто... в голове помутнело. Из-за стресса, наверное. Этот переход. Странные люди, обычаи. Столько всего навалилось, я просто сама не своя... – Хорошее объяснение, логичное, жаль только, что ни черта не помогает

справиться с болью в груди. Я выдохнула, сжимая кулаки так сильно, что ногти врезались в кожу: – Уверена, больше такого не повторится...

Рэй ничего не ответил, только взгляд стал еще тяжелее.

Ну что же ты так странно смотришь? Зачем? Я перед тобой как на ладони.

– Ты, наверное, думаешь, что я слишком беспечная, распушенная...

Боже, что я несу? Мы же взрослые люди, и каждый сам в состоянии решить, где и с кем хочет быть.

– Ерунду не говори. Ничего подобного я не думаю. Просто...

Фраза так и осталась неоконченной. Договорить ему не дал тревожный звук горна и крики, доносившиеся с улицы.

Я не успела опомниться, как Рэй подскочил к окну и распахнул его. В нашу маленькую неуютную комнату тотчас ворвались шум дождя, раскаты грома и снова этот протяжный звук, от которого волосы вставали дыбом. Мне было страшно даже двигаться, а солдат мрачно всматривался в темноту ночи и не спешил объяснять, в чем дело. Он хмурился все сильнее, и мой страх разрастался с неудержимой скоростью.

– Что случилось? Что... – голос снова подвел, оборвавшись на середине фразы.

– Выжлы! Они как-то пробрались в деревню. – Он захлопнул окно, наспех накинул китель, схватил оружие и бросился к выходу: – Сиди тут. Поняла?

– Рэй! – я испуганно бросилась следом. – Не бросай меня!

– Послушай, – он схватил меня за плечи, – я должен идти. Мой долг защищать. Запри дверь и никому не открывай.

– Но... – меня трясло от страха.

– Я вернусь. Обещаю, – он быстро поцеловал меня в лоб и выскочил из комнаты. Уже с лестницы донесся его крик: – Запрись!

Мне хотелось бежать следом, но я понимала, что буду только мешать, поэтому сделала, как он сказал: захлопнула дверь, повернула кривой ключ в скважине и опустила хлипкую задвижку.

Какая слабая защита! Пни посильнее – и вся коробка вылетит вместе с ключами, задвижками, старым косяком.

Я подперла дверь стулом, но выглядело это жалко и нелепо. Тогда, кряхтя от натуги, подвинула к проему тяжелый старый комод. Стало чуточку спокойнее.

На улице все так же бушевала непогода, расчерчивая небо всполохами молнии и заставляя вздрагивать от каждого раската грома. Я представила, как где-то в темноте под проливным дождем Рэй вместе с остальными защищает деревню. И снова стало больно дышать. В этот раз от страха за него.

Пусть с ним все будет хорошо. Пожалуйста. Пусть не со мной, но живой и здоровый – о большем не прошу.

Я обессиленно опустилась на пол, прижалась спиной к стене, обняла колени и стала ждать, тревожно вслушиваясь в звуки за окном. Прошло десять минут, двадцать, час. С каждой утекающей секундой становилось все холоднее внутри, и все четче я понимала, что если мой солдат не вернется – жизнь потеряет смысл.

Вот так просто, быстро и необратимо он стал тем человеком, который необходим мне как воздух, без которого я просто не смогу существовать.

Время шло. Несмотря на тревогу, я начала клевать носом, но когда за дверью раздались незнакомые голоса, сон как ветром сдуло:

– Она должна быть здесь!

Ручка резко опустилась.

– Заперто!

– Ломай давай.

Я только успела закатиться под кровать, как дверь пнули, вышибая замок. Она с грохотом ударилась о комод.

– Там что-то мешает!

– Навались.

Дружный «эх», скрип ножек по деревянному полу, и дверь приоткрылась наполовину. В образовавшуюся щель тут же протиснулся высокий мужчина в темной одежде, следом за ним еще один ростом пониже в дорожном плаще и с мотком веревки на плече.

– Ищи. Здесь где-то.

Коротышка ринулся в ванную, а высокий безошибочно подошел к кровати, под которой я дрожала от страха, забившись в самый угол.

Он резко присел, вздернул край покрывала и заглянул в мое убежище. Синие холодные, как лед, глаза тут же впились в меня мертвой хваткой.

– Здесь она, – крикнул напарнику, а потом потянулся ко мне, – иди-ка сюда, кукла.

Увернуться не удалось. Крепкие мужские пальцы схватили меня за лодыжки и бесцеремонно потащили наружу. Пытаясь бороться, я сильно ударилась затылком о нижнюю перекладину, ободрала ладони в кровь о грубый пол.

– Помо...мммм...

Он грубо зажал мне рот. Я начала извиваться, брыкаться – сопротивлялась, как могла.

– Верткая, зараза, – тяжелая пятерня впилась в волосы, наматывая их на кулак, – дернешься – скальп сдеру.

Для наглядности потянул так, что слезы из глаз брызнули.

– Я сразу понял, что это девка! – с неприкрытой гордостью произнес второй мужик, в котором я узнала того самого стражника, который запустил нас в деревню.

– Хватит болтать! Давай вяжи. Саймон велел тащить ее в сторожку. Если солдат вернется, скажем, что сбежала, дождемся, пока он свалит в свою столицу, и вернем ее обратно.

Я замычала, снова пытаюсь вырваться из мерзких лап, но силы были неравны. Пока один держал меня за волосы, зажимая мозолистой ладонью рот, второй проворно стягивал запястья веревкой. Мне удалось его пнуть, когда он наклонился, чтобы связать мне ноги.

– Дрянь, – он отвесил мне хлесткую оплеуху, – ну ничего. Мы тебя потом научим уму-разуму. Будешь знать свое место! Готово.

– Рот ей завяжи! А то начнет визжать. Мало ли этот услышит. Я видел, как он обращается с оружием, и не хочу испытать его на своей шкуре.

Мне удалось вскрикнуть только один раз – когда рука исчезла, а кляп мне в рот еще не успели запихать.

– Заткнись! – меня грубо встряхнули. – Не придет твой солдат. Знаешь, сколько мы нежити выпустили? Одному не справиться. Ты остаешься с нами!

Я не успела опомниться, как здоровяк закинул меня на плечо и быстрым шагом вышел из комнаты.

Внизу, хозяин постоялого двора все так же размерено протирал грязные стаканы. Увидев нас, он довольно крякнул и сказал:

– Давайте-давайте. Тащите. Я служивому скажу, что она сама сбежала. Если хочет, пусть ищет – лес большой.

Я поняла, что помощи мне ждать неоткуда. Здесь все заодно.

Глава 6

Дальше все превратилось в кромешный ад. Меня выволокли из постоянного двора и потащили в темный переулок между соседними домами, потом по размытой улице в самый дальний конец деревни. Я сначала думала, что они собираются запереть меня в пугающе-мрачном каменном доме, похожим на темницу, но вместо этого похитители направились в обход, перелезли через ветхий забор, передавая меня из рук в руки, как не очень ценный трофей, а потом и вовсе свернули к стене, огораживающей поселение.

– Живее давай! – меня встряхнули, как куклу. – Шевелись.

Я не шевелилась. Наоборот, всячески им мешала, то начиная вырываться, то обмякая в чужих лапах и превращаясь в тяжелую и очень неудобную ношу.

– Открывай проход! – скомандовал верзила, перекидывая меня с плеча на плечо.

Второй тут же бросился к стене, между двух внушительных бревен нащупал веревку и потянул на нее, распахивая низкую, совершенно не приметную со стороны калитку.

Так мы оказались за стенами поселения.

– Зараза какая! – пыхтел стражник, когда я умудрилась ухватить за веревку и со всей мочи хлопнуть калиткой.

К сожалению, звук потонул в раскате грома.

– Отцепись! – он сжал мне пальцы так сильно, что из глаз посыпались звезды, и вырвал веревочный конец. – Все, давай дальше!

Меня снова потащили. В этот раз через дорогу к низкому пролеску. Под вспышками молнии в просветы между листвой я видела, как неотвратно удаляются стены из частокола.

Где-то там остался Рэй, и он не знает, что со мной произошло.

Так страшно мне не было, даже когда столкнулась с разбойниками посреди пустынной дороги.

Вырваться из цепких лап я не могла и сделала единственно, что было в моих силах – постаралась запомнить дорогу. Ориентиры в темноте смешивались, поэтому приходилось полагаться больше на ощущения, чем на глаза. Прямо, сквозь кусты, мимо елки, больно хлестнувшей по щеке. Вниз по склону, направо мимо родника. Резкий запах клоповника. Вверх, по каменистой дороге, поворот, снова елки.

Очередная вспышка молнии выхватила из темноты силуэт неказистой избушки. Меня заволокли внутрь и толкнули на деревянную лавку.

– Сиди здесь с ней! – приказал верзила, зажигая маленькую лампу. – Я обратно. Надо посмотреть, что там солдат делает. Может, его уже сожрали.

– А не проще было его просто по-тихому прирезать? – проворчал стражник, скидывая с себя насквозь промокший плащ.

– Кого? Императорского солдата? Чтобы на его поиски налетели дознаватели?

– Да кому он нужен?!

– Хочешь проверить?

Стражник недовольно сплюнул на пол.

– Откинется сам – хорошо. Так и скажем – выжлы напали, а с нас взятки гладки. А нет – ну пусть валит на все четыре стороны. Так что сиди тут. Сторожи эту, – мужчина кивнул на меня, как на предмет мебели, – лапы не распускай! Узнаю, что притронулся – руки с корнем вырву! Понял?

– Да понял, вали уже!

Верзила ушел, оставив меня наедине с подлым охранником.

– Ну что, красивая, личико-то покажи, а то не успел рассмотреть... – он подошел ко мне, бесцеремонно ухватил за подбородок, вынуждая поднять голову.

Я дернулась, пытаюсь вырваться, а когда не вышло, вперилась в него взглядом, полным ненависти.

– О какая! С норовом. Ничего. У нас тут мигом перевоспитаешься. Знаешь, какие были характерные? Огонь просто. Посидели пару дней в яме без еды – и все, как шелковые стали... Жаль, что кончились...

Я не хотела знать, что стало с бедными женщинами, вряд ли эти сведения помогут обрести спокойствие духа, хорошее настроение и прежнюю веру в людей.

– Жаль, обещал тебя не трогать, – он с сомнением смотрел на шнуровку на груди, – хм, может, по-быстрому? Я буду нежным, а ты никому не скажешь?

Я замычала, очень жалея, что рот заткнут. Мне было что сказать этому «милому» человеку.

– Скажешь, – разочарованно протянул он, – по глазам вижу, что проболтаешься. А зря. Я бы не обидел...

Снова протестующе замычала.

– Ну и дура, – бросил зло и отошел к умывальнику. Взял жестяной ковш, снял кружку с ведра, – черт. Вода кончилась. Сиди тихо, сейчас принесу.

Мой тюремщик взял ведро и направился к выходу, ничуть не сомневаясь в том, что буду сидеть тихо-мирно и ждать его возвращения. Я проводила его злым взглядом и, едва захлопнулась дверь, принялась ковырять веревки.

Узлы были какими-то хитрыми и очень прочными. Мне не удавалось ослабить их ни на миллиметр, сколько бы ни дергала. Осознав, что попросту теряю время, я бросила это бесполезное занятие и принялась осматриваться в поисках того, что могло помочь. В углу топор – хорошее оружие, но до него еще добраться надо, что со спутанными руками и ногами не так-то просто. Тесак на полке – тоже далеко. Что-нибудь бы поближе...

Ножницы! Ржавые, здоровенные, как садовый секатор, с кривыми кольцами-ручками. Валяются под покосившимся столом. Если доползу и смогу перепилить веревки...

Я бросила быстрый взгляд на дверь, скатилась с лавочки на пол и поползла, проклиная верёвки, которые больно впивались в кожу, платье, которое замедляло движения, и вообще весь этот мир. Почему меня занесло именно сюда?! Неужели нет мест поприятнее?!

К счастью, мужик не спешил. Поэтому мне удалось добраться до стола и начать пилить путы на руках. Кромка ножниц была совсем ржавая, истертая посередине и безнадежно тупая. Мне приходилось давить изо всех сил, чтобы прорезать волокна. Они пушились, нехотя поддавались, рвались. Но очень медленно.

Когда с улицы сквозь дождь слышались шаги и скрип ведерной ручки, я чуть не завизжала от отчаяния. Веревка еще и наполовину не была разрезана.

Уже понимая, что безнадежно опаздываю, я начала с остервенением дергать руками, царапая кожу на запястьях. Пожалуйста. Пожалуйста! Пожалуйста!

Внезапно снаружи раздался грохот падающего ведра, звук борьбы и крик:

– Ах ты, скотина!

Рэй! Он нашел меня!

Снова борьба, хрип, ругань и, наконец, все затихло. Я уткнулась лбом в деревянный пол и чуть не зарыдала от облегчения.

– Рэй! – промычала сквозь кляп, и снова гроза погасила мой сдавленный голос. Да что ты будешь делать! – Рэй!

Бесполезно. Не докричишься. Ладно, сейчас сам появится и в очередной раз спасет несчастную попаданку.

Однако время шло, а в дом так никто и не входил.

Сначала я думала, что он занимается похитителем: связывает, прячет где-нибудь в кустах вялое тело. Затем всполошилась – а вдруг это его связывают? А потом... потом я услышала странный звук, очень похожий на жадное чавканье голодного животного.

– Р... – чуть не закричала, но в последний момент осеклась.

Внутренний голос настойчиво твердил: молчи, дура, молчи.

Меня затрясло, забило крупной дрожью, по спине липкими щупальцами прошелся ужас. Глубинный, пробирающий до самых костей, такой, что хочется забыть обо всем и бежать сломя голову, не разбирая дороги.

В чувство меня привел очередной раскат грома. Треснуло над самым домишкой, так что окна затряслись.

Я вздрогнула, выныривая из паники, зажмурилась крепко-крепко, собирая воедино остатки здравого смысла и самообладания. Нельзя сдаваться. Никак нельзя.

Переводя запуганный взгляд то на дверь, то на ножницы, принялась снова пилить веревки. От усердия на лбу выступил пот. Дышать едва получалось, сердце трепетало так, что его бой сливался в сплошной гул.

Когда с легким щелчком треснуло последнее волокно веревки, у меня из глаз покатались слезы облегчения. Несколькими осторожными движениями я размяла затекшие запястья, восстанавливая потерянную чувствительность. Сорвала кляп, облизала саднящие губы и тихо выдохнула, сдерживая всхлип.

Оставалась веревка, стягивающая ноги. Я, наконец, могла до нее дотянуться и попробовать развязать, но, увы, и на ней был такой узел, что пальцы обломаешь, пытаюсь распутать. Тогда я взяла ножницы, с трудом приноровила их к плотно затянутым путам и со всей мочи нажала на тугие ручки.

Раздался металлический скрежет. Настолько громкий и пронзительный, что чавканье на улице затихло.

Мамочка моя...

Я начала истерично дергать надрезанную веревку, а на крыльце уже раздавались неровные шаркающие шаги.

Руки тряслись все сильнее, в ушах нарастал шум. Казалось, еще мгновение – и я просто свалюсь на пол в глубоком обмороке или начну смеяться, как сумасшедшая. Эта ночь точно добавит мне много седых волос... если я ее переживу.

А-а-а-а, давай же! Давай!

Я билась, как бешенная, царапала, не жалея ногтей, и веревка поддавалась, но очень медленно, а на пороге уже маячила страшная тень.

Когда в избушку боком протиснулся человек, я замерла, уставившись на него во все глаза. Вернее, на нее.

Это была женщина. В грязном рваном платье, с всклокоченным колтуном на голове, неестественно скрюченными пальцами и кожей такого странного цвета, что не встретишь у здоровых людей – бледная, с зеленоватым отливом.

Она стояла ко мне спиной, шумно втягивая воздух и по-птичьи отрывисто наклоняя голову, то на один бок, то на другой. Не сводя с нее напряженного

взгляда, я тихо взяла с пола ножницы. Перехватила их поудобнее правой рукой, левой – продолжила растягивать веревку на лодыжках. Оставалось совсем чуть-чуть.

Вышла – а в том, что это именно она, сомнений не было – покачнулась из стороны в сторону и начала оборачиваться.

Теперь я могла рассмотреть не только ее перекошенную спину, но и впалую грудь, выглядывающую сквозь прореху в платье, шею с натянутыми жилами, будто подведенными темной краской, опущенный подбородок, с которого капала... кровь.

И глаза. Болотисто-зеленого цвета, мутные, блеклые, без зрачка.

Ее пустой взгляд остановился на мне. Она замерла, словно пытаюсь понять, кто перед ней, снова жадно втянула воздух ввалившимися ноздрями и с утробным рычанием двинулась на меня, а я не могла вскочить и убежать, потому что ноги все еще были связаны.

Я дернула из последних сил, едва сдерживая мучительный хрип. Чудовище приближалось.

Рванула еще раз, задыхаясь от отчаяния.

Глаза болотного цвета все ближе.

Еще рывок. Веревка не выдерживает, рвется, отлетая в сторону, а вышла бросается на меня, целясь прямо в лицо. Я едва успеваю выставить перед собой ножницы. Они с мерзким звуком входят ей под ребра. Тут же раздается стон, визг, рычание – все это одновременно, отзываясь миллионами мурашек по спине.

Я оттолкнула ее в сторону и вскочила на ноги, с трудом увернувшись от скрюченных пальцев. Она не умерла, не потеряла сознание, а продолжала шипеть и двигаться. Я не увидела ни капли крови, только вокруг ножниц, торчащих в ее теле, расплзлось бурое пятно. В доме запахло чем-то отвратительно-горьким.

Не дожидаясь, пока выгла поднимется, я метнулась к стене, сорвала с крюка топорик, потом прихватила со стола лампу и бросилась прочь из дома.

- Твою мать! - пропищала, оказавшись на улице.

Возле крыльца лежал один из моих похитителей. Вернее, то, что от него осталось. А над ним, жадно чавкая и рыча друг на друга, копошились еще три выжлы. При моем появлении они вскинулись, поднимая окровавленные морды, и зарычали еще громче.

У меня от ужаса ноги к земли приросли. Я не хочу... чтобы меня... вот так... жрали!

Две выжлы снова склонились над трупом, не желая прерывать трапезу, а третья начала подниматься.

Хлестал дождь, а я даже не чувствовала его. Как замороженная смотрела на кровавые разводы, расчерчивающие бледную кожу, на костлявые перекошенные плечи, на бездушные зеленые глаза, настолько мутные, что в них не отражался ни дрожащий свет лампы, ни яркие всполохи молнии.

Это конец, да?

На моей щиколотке сомкнулись когтистые пальцы. Я завизжала и со всего маха захлопнула тяжелую дверь. Выгла в доме снова завопила, в этот раз еще злее и истощнее. Не задумываясь о том, что делаю, не глядя, рубанула по второй, да так неудачно, что топор застрял. Она отшатнулась, выдирая его из моих рук.

Плевать! Я проскочила мимо нее и бросилась бежать, а позади меня рычали и стонали чудовища.

На ходу вспоминая дорогу, я неслась вперед, только успевая прикрывать лицо от веток и выставляя перед собой лампу, чтобы не свалиться и не переломать себе ноги.

Мимо елок. Поворот. Вниз по каменистой насыпи. Скользко, удержаться не удалось – съехала на заднице, еще больше разрывая платье. Очередной ориентир – вонь клоповника. Где родник? Вот он, журчит родимый. Мимо него направо. Нет, налево! По склону вверх, цепляясь за сырую траву и корни.

Я все ждала, что сейчас из мрака появятся выжлы и разорвут меня. Сожрут. Аж сердце от ужаса заходило. Особенно когда лампа последний раз моргнула и погасла, оставляя меня в крошечной тьме посреди сырого леса.

Страшно, хоть ори! А орать нельзя, потому что услышат совсем не те люди, которые нужны, да и не люди тоже могут.

Я переборолла желание сесть под ближайшим кустом и зареветь навзрыд. Осталось немного. Просто надо продолжать двигаться.

Дальше шла на ощупь. Крапива, мягкие листы, голые ветки, что-то липкое. Ель! Мне надо сюда. Я протиснулась между густых колючих лап и вдали увидела отблески света. Они придали мне сил. Я снова побежала, цепляясь платьем за коварные ветки, спотыкаясь и падая. Вставала, стискивая зубы, не обращая внимания на холод и боль, и бежала дальше.

Из последних кустов я просто вывалилась, приземляясь на колени. Передо мной стоял знакомый частокол проклятой деревни. Инстинкт самосохранения вопил – не суйся туда! Но душа рвалась вперед, потому что там Рэй. Если с ним что-то случится, я все равно не выживу в этом мире.

Чтобы найти калитку, мне потребовалось много времени. Я шарила руками по грубо отесанным бревнам, ловила занозы, трусливо оглядывалась на лес и все ждала, что сейчас на меня кто-нибудь набросится.

Отчаяние накатывало тяжелыми волнами, паника все яростнее закипала в крови, и все труднее было с ней бороться. Вдруг снаружи нельзя открыть потайной лаз? Как мне попасть внутрь, если ворота будут заперты? Особенно пугала мысль, а что если Рэй поверил в мой побег? Поверил, разозлился и уехал, оставив меня здесь одну? Что тогда? Сразу в лес, к выжлам, и будь что будет?

Я уже не таясь всхлипывала, редела, размазывая слезы и грязь по щекам, давилась собственным бессилием и страхом. Все пропало. Все пропало!

Тут пальцы нащупали конец жгута. Я судорожно вцепилась в него всей пятерней и дернула. Неужели заперто?! Еще раз дернула, повиснув на веревке всем телом, и тут же упала ничком на землю, потому что калитка гостеприимно распахнулась.

– Ура! – я шмыгнула внутрь и прикрыла за собой лаз.

Внутри было все так же страшно и угрюмо. Дождь стоял серой стеной, размывая дорогу и очертания близлежащих домов, на улицах никого. Почему никто не спасается, не бежит, не кричит «Выжлы!»? Всем плевать, что ли?

Кое-как мне удалось найти обратный путь к постоялому дому. Я проскочила под навес и притаилась рядом с встревоженным Чубарым. Он прятал ушами, храпел, переступал с ноги на ногу, готовый в любой момент сорваться с места.

– Тише, малыш, тише, – погладила по мягкому носу, – он придет.

Жеребец замер, прислушиваясь к моему голосу, потом ткнулся в ладонь, показывая, что узнал, и тихонько заржал.

– Тссс! – испуганно обхватила большую голову животного, – пожалуйста, миленький, давай тише. Тут, знаешь, какие чудища бродят! И меня съедят, и тобой не побрезгуют.

Он будто бы понял. Покосился на меня темным взглядом, потрянул гривой и затих. Я еще раз потрепала его по щеке и, согнувшись в три погибели, покралась к входу в таверну, чтобы хоть одним глазком глянуть, что там происходит. И чем ближе подходила, тем отчетливее становились голоса.

Один из них принадлежал Рэю:

– Где девушка? – он говорил холодно, цедя сквозь зубы каждое слово, но даже на расстоянии я чувствовала ярость, что расходилась от него во все стороны.

– Сбежала твоя дура!

По голосу я узнала верзилу, что лично утащил меня в лес. Урод!

- Ага, - тут же начал поддакивать хозяин таверны, - стоило тебе уйти, как она выскочила следом. Я даже сказать ничего не успел! Такая прыткая.

- А я даже увидеть ее не успел, - гнусаво пожаловался еще один голос.

- И я, - поддержал еще один незнакомец. Да сколько их там?!

Рэй тяжело вздохнул:

- Я еще раз спрошу и хочу получить правильный ответ. Где. Моя. Спутница?

- Ты не слышишь, что ли? Улетела твоя птичка. Думаешь, ей нужен простой солдатик? Дождалась, когда ты оставишь ее без присмотра, и дала деру. Наверное, жуть как рада, что избавилась от тебя...

Я прижалась к стене и слушала, как меня поливают грязью, пытаются убедить, что бросила, сбежала. Мерзавцы! Хуже зверей. Я была готова рыдать от обиды, но не спешила выходить из укрытия. Мне было важно, что скажет Рэй, поверит он грязному вранью или нет. Я должна была это услышать.

- Она не могла уйти.

- Вот ты дурак упрямый. Говорю ж тебе - ушла, - нарочито медленно повторил хозяин, - убежала. Да так, что пятки сверкали. Хочешь - иди ищи. Далеко не могла ускакать... наверное.

- Мне обыскать вашу вонючую деревню?

- Обыскивай, солдатик, обыскивай. Раз не веришь нам.

- Не верю. И без нее никуда не уйду, - просто сказал он, а у меня внутри все оборвалось, от ошеломляющей нежности, затопившей меня с ног до головы.

Прятаться в тени больше не имело смысла. Подобрал грязные юбки, я бросилась внутрь:

– Рэй!

Верзила, до того вальяжно сидевший за столом, при моем появлении вскочил на ноги; из потных лап хозяина выскользнул стакан и с дребезгом разлетелся на осколки; остальные тоже подобрались, уставились на меня, как голодные псы на кусок мяса.

– Маш? – тихо произнес Рэй, ожидая пояснений. При этом на меня он не смотрел, а следил за присутствующими.

– Это он меня вытащил из комнаты! – я обличающее кивнула на верзилу. – Связал, кляп в рот запихал и на пару с подельником в лес утащил.

– Врет, – громила смачно сплюнул сквозь зубы и глянул на меня так люто, что мороз по коже прошел, – наговаривает твоя курица.

– Этот, – ткнула я пальцем в сторону хозяина притона, – обещал их прикрыть. Они сказали, что оставят меня себе, а если буду плохо вести себя, то бросят в яму. Без еды. Чтобы шелковая стала.

Я вцепилась в локоть солдата и жаловалась, как маленькая, шмыгая носом и растирая слезы по щекам.

– А еще это они выпустили выжл! Специально, чтобы избавиться от тебя.

– Иди наверх, Маша...

– Но... – мне было страшно отступить от него даже на шаг.

– Собери вещи, – Рэй задвинул меня себе за спину, – и-ди.

– Никуда она не пойдет! Думаешь, мы отдадим тебе живую здоровую бабу? – верзила взяла со стола клинок, перемазанный бурой кровью. – Она наша.

– Иди, – с нажимом сказал Рэй, подталкивая меня к лестнице, – не надо тебе... на это смотреть.

Его взгляд, как никогда серьезный, пробирал до самых костей, и я послушалась. Кротко кивнула и побежала вверх по ступеням, протиснулась в комнату сквозь узкую щель – старый комод все еще преграждал путь – и начала метаться из стороны в сторону, собирая наши скромные пожитки. Огонь в камине давно погас, лампа едва тлела, и от этого было еще страшнее и неуютнее.

Внизу тем временем ситуация накалилась. Сначала загремели злые голоса, потом раздался звон оружия. Звуки борьбы становились все громче, а крики все отчаяние. В чужих голосах плескались ужас и боль.

Я зажала уши руками, забилась в угол и зажмурилась. Когда же все это закончится? С меня уже хватит! Я хочу домой! Я больше не могу!..

...Тишина наступила внезапно.

Внизу больше никто не орал, не звенела разбитая посуда, не гремела мебель. Абсолютная. Мертвая. Тишина.

В коридоре слышались быстрые шаги, затем дверь громко ударилась по несчастному комоду.

– Да чтоб тебя, – тихо выругался знакомый голос.

Солдат сдвинул его в сторону и зашел внутрь бодрой пружинящей походкой. Его китель был порван в нескольких местах, с меча медленно падали тяжелые капли крови, но сам он был цел и невредим.

– Мария, – он шагнул ко мне, а я не удержалась, уткнулась лицом в перепачканные ладони и заплакала

Он отбросил меч в сторону, опустился рядом со мной на колени и притянул к себе. Я всхлипывала, цеплялась за его одежду, пряталась у него на груди.

- Ну ты чего, Маш? Все в порядке, - он гладил меня по спине и укачивал, словно маленькую девочку.

- Они...

- Больше не навредят тебе.

- Ты их...- я всхлипнула еще раз, так и не договорив.

Вместо ответа Рэй сильнее прижал меня к себе.

- Все закончилось. Нам пора уходить, - он попытался подняться, но я вцепилась в него мертвой хваткой.

- Я не смогу, - взгляд снова зацепился за окровавленный меч, - не смогу.

Мягко, но настойчиво он обхватил мое лицо руками, вынуждая поднять взгляд.

- Когда спустимся вниз, закрой глаза. Поняла?

Я заревела еще громче.

- Маш. Я вынесу тебя. Ты только не смотри. Пожалуйста. Слышишь меня? По-другому все равно было нельзя. Они бы нас не отпустили. Тебя бы не отпустили. Понимаешь? - порывисто коснулся моих губ своими.

- Понимаю, - простонала, цепляясь за него еще сильнее, не чувствуя под собой ног. Если отпустит - упаду.

- Я никому не позволю тебя обидеть. Верь мне.

Я верила.

Рэй быстро закидал в рюкзак оставшиеся вещи и повесил его на спину. Накинул мне на плечи так и не успевший просохнуть плащ и легко подхватил на руки. Я обняла его за шею, уткнулась носом в плечо и дрожала, как осиновый лист на ветру.

– Закрой глаза, Маш, – прошептал он, когда мы добрались до лестницы, – закрой.

Я подчинилась. Сомкнула веки, полностью полагаясь на этого мужчину. Он шел уверенно, ровно, не задерживаясь, по пути перешагивая через что-то... или кого-то. В какой-то момент я чуть не открыла глаза, но почувствовала легкое прикосновение губ к виску:

– Не надо.

– Хорошо.

Когда Рэй вышел на улицу, я все еще продолжала за него цепляться. После тяжелого, насквозь пропитанного тошнотворно-сладким запахом крови воздуха таверны глоток ночной прохлады показался самым изысканным деликатесом в мире.

– Ты как? – спросил Рэй, бережно ставя меня на землю.

– Нормально, – я кое-как улыбнулась.

Губы нещадно дрожали, и вместо улыбки получилась измученная гримаса.

– Сейчас Чубарого седлаю и поедем.

– Верхов? Я не умею.

– Телега нам будет только мешать. До Комора не так далеко. Завтра доберемся. Верхов, конечно, не так удобно, но...

Да что он меня уговаривает?! Тоже мне принцесса нашлась!

- Потерплю. Просто увези меня отсюда, - я стерла остатки слез.

- Увезу, - он кивнул и полез в повозку за седлом, - Расскажи мне, что произошло.

Путаясь и заикаясь, я поведала о том, как меня похитили, и что произошло в лесном доме.

- Тебя не ранили? - встревоженно нахмурился Рэй, быстрым взглядом пробегая по моей разодранной одежде.

- Нет, - я поспешила его заверить в том, что со мной все в порядке, - все хорошо. Если не считать того, что чуть от страха не померла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/verhovceva_polina/popadanka-dlya-drakona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)